

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Революционеры Марат и Робеспьер, казненный король Людовик XVI, художник Жак-Луи Давид, запечатлевший потрясения во Франции, – как давно все эти имена стали историей. Но только в России история способна повторяться и оживать...

Елена АРСЕНЬЕВА

Портрет королевского палача

Артефакт & Детектив

Елена Арсеньева

Портрет королевского палача

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Портрет королевского палача / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-88770-5

У акушерки Вали простая мечта русской женщины – выйти замуж за француза. Разумеется, не за первого встречного: герой ее романа должен быть благороден, как Атос, красив, как Ален Делон, и щедр ничуть не меньше, чем Наполеон в глазах Жозефины. Валя и сама драгоценный подарок: как любая российская женщина, готова спасти и Россию, и Францию, и одного-единственного, и всех младенцев, которым еще предстоит появиться на свет. Помимо тяги к спасению младенцев и Франции у Вали есть еще один талант, которым она собирается осчастливить своего избранника, – простая акушерка с окраины Нижнего Новгорода почему-то всегда попадает в самые немыслимые истории...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88770-5

© Арсеньева Е. А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	42
-----------------------------------	----

Елена Арсеньевна Арсеньева

Портрет королевского палача

© Арсеньева Е. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Наши дни. Валентина Макарова

Как подумаешь, что всего этого могло и не случиться, если бы не ворона...

Ведь именно из-за нее я нашла те несчастные пятьдесят евро! И так обрадовалась! Может быть, для кого-то это ерунда, а для меня – изрядная сумма! А я всю жизнь пребывала в уверенности, что чем больше денег, тем лучше. Но, помнится, наша старая соседка, которая давно уже отбыла в мир иной, говорила когда-то, во времена реликтовой коммуналки: «Лучше быть бедным и больным, чем богатым и здоровым». Я тогда хихикала: дескать, все перепуталось в ее утомленной жизненным солнцем головушке! Однако теперь я понимаю, что бабуля эта была совершенно права. На одну только мизерную пенсию, обуреваемая бесчисленными болезнями, она дожила до восьмидесяти пяти лет и померла, совершенно довольная судьбой. А вот я, вполне здоровая и некоторым образом богатая (в кармане почти тысяча, вперемешку в долларах и евро, – это же целое состояние, особенно в переводе на рубли!), отнюдь не заживусь на этом свете. Строго говоря, у меня нет почти никаких шансов перешагнуть тридцатилетний рубеж.

И все из-за вороны!

* * *

Ворона возникла в моей жизни в половине третьего ночи – стылой и сырой июньской ночи. Я стояла на автобусной остановке на площади Свободы и думала, как жить дальше...

А между тем ситуация вышла самая банальная. Жена моего любовника, с которой он три месяца собирался развестись, внезапно вернулась из Москвы, где жила и работала. И, едва мы отдышались после очень неплохого секса, как раздался скрежет ключа, поворачиваемого в замке.

Любезный друг схватил меня за руку, стянул с кровати и начал таскать за собой по комнате. Несколько мгновений я машинально влачилась за ним по комнате, словно консервная банка, привязанная к собачьему хвосту, и слушала его испуганное бормотание:

– Нет... нет, здесь ты не поместишься! Она тебя сразу увидит. А в шкафу ты задохнешься!

Не сразу я начала понимать, что он... что он ищет, куда бы меня спрятать.

– Скорее! – крикнул, пригибая меня к полу. – Залезай под кровать! Это недолго, я постараюсь быстренько спровадить ее в ванную, а потом выпущу тебя.

Выпустит меня из-под кровати?!

И он ринулся в прихожую, откуда уже раздавался нежный зов:

– Аличек! Где ты, миленький?

Хм... когда я разводилась с мужем, у меня и язык не поворачивался назвать его Ленечкой или миленьким. Что-то здесь не то...

И вдруг до меня донесся голос любимого мужчины:

– Сладкая моя! Наконец-то!

А следом раздались чмоки-чмоки, да такие страстные...

Слышала я прописную истину: если мужчина зовет вас сладкой, или заей, или лапой, значит, вы у него отнюдь не единственная, а это универсальное прозвище нужно исключительно для того, чтобы не путаться в многочисленных именах и не называть, к примеру, Иру – Валея, Таню – Светой, а Жанну – Леной.

Все прописные истины до тошноты верны... Получается, мне нагло ввали – насчет развода с женой? И я была, грубо говоря и мягко выражаясь, только временной подстилкой?

Я схватила в охапку свое барахлишко, кинулась к двери на лоджию и выскочила вон.

Неторопливо оделась, даже не стараясь производить как можно меньше шума, ибо мне теперь совершенно все равно, что ждет героя моего пылкого романа, обулась, повесила на плечо сумку, села на перила лоджии (еще слава богу, что она не остеклена, не зарешечена!), перекинула наружу ноги...

Мой бывший любовник живет на первом этаже. То есть покончить с собой из-за разбитого сердца мне совершенно не грозило.

Лгут люди, когда поют песни на тему: «А любовь не проходит, нет!» Проходит все, это я теперь знаю доподлинно! Причем улечивается мгновенно!

Стоит только предложить женщине спрятаться под кровать...

Я перешла улицу и помчалась через Театральный сквер к автобусной остановке на площади Свободы. Сейчас на маршрутку – и на вокзал, там на поезд – и скорей в Дзержинск, в больницу, в роддом, где я работаю. Работа – лучшее лекарство от всего на свете, в том числе и от сердечных бед. Это тоже прописная истина. С утра начинается мое дежурство. В кои-то веки я не опоздаю, успею на первую электричку, вот и еще одна истина подоспела: нет худа без добра! Сейчас подойдет маршрутка...

И только тут я вспомнила, что подойдет она только в пять утра, а сейчас – еще половина третьего! Вот почему так пусто и тихо здесь!

Куда же мне податься? Не назад же возвращаться! Или пешком идти до вокзала? На противоположной стороне площади стоит такси, но денег на него вульгарно жалко: впереди у меня серьезные траты, я сейчас буквально на спичках экономлю!

Растерянно оглядываюсь и вдруг в довольно ярком свете фонарей, понатыканных в аллеянке там и сям, вижу собаку, которая весело гоняет что-то по газону. Ворох какого-то растрепанного тряпья. Странно, впрочем: с чего бы это тряпье время от времени вскрикивает истощным хриплым голосом?

Бог ты мой! Да ведь это никакое не тряпье! Это ворона!

Птица небольшая – наверное, еще совсем молодая. Почему она не улетает? Еще не умеет? Или крыло повреждено? Или просто никак не может отбиться от собаки?

Я громко кышкаю на веселую псину, которая явно не желает расставаться со своей игрушкой. Уговариваю ее так и этак, но она не уходит. Поднимаю палку, замахиваюсь – хотя это и противоречит моим принципам! – и тут собака, наконец, отбегает, обиженно оглядываясь на меня.

Однако отбегает она недалеко. И стоит мне только сделать несколько шагов от вороны, как собака стремглав кидается на прежние позиции.

Снова кышканье с моей стороны, снова демонстрация силы. Собака отступает.

Ворона сидит на земле и выдавливая из широко распахнутого клюва какие-то хриплые, запыхавшиеся звуки.

– Ах ты, бедолага, – говорю я, – намучилась?

Она издает нечто, очень напоминающее: «Аг-га!»

Я наклоняюсь и осматриваю ворону. Крылья вроде в порядке. Может быть, ей надо просто передохнуть? Вот на этом дереве. В его развилке что-то вроде удобной седловины. Птица сможет и постоять, и полежать. Наберется сил – и полетит, куда ей надо. Сейчас я ее поймаю, посажу...

Легко сказать, да трудно сделать. Несколько минут я бестолково гоняюсь по скверу за вороной, которая шипит, и кричит, и мечется туда-сюда, норовя клюнуть меня и истрепать до крови мои руки. Ну и дура! Отчего ж это безошибочные животные инстинкты ей не подсказывают, что я не враг, а друг?

Наконец я нагоняю ворону, бесперемонно цапаю ее и водружаю на дерево.

– Тихо сиди! – грожу на прощание пальцем и выбираюсь из довольно-таки грязного месива, которое представляет собой газон.

Начинаю отряхиваться, очищать подошвы о бордюр – и вдруг порывом ночного ветерка ко мне подносит какую-то бледно-красную бумажку. Смотрю на нее, не веря глазам, потому что это – пятьдесят евро.

Ничего себе... ночью в центре Нижнего Новгорода найти такую сумму! Кто ж ее оборонил, интересно знать? Ни души поблизости.

А может быть, она с неба упала, эта денежка? К примеру, ее сбросил какой-нибудь птичий бог, решивший вознаградить меня за спасение одной из своих подданных?

Ну что ж, я ему очень благодарна. Ведь благодаря этой бумажке я смогу полететь в Париж прямым рейсом! Авиакомпанией «Люфтганза»!

* * *

Если бы я знала в тот миг, что меня ждет, я бы закопала деньги в землю, честное слово! Чтобы никто и никогда ее не нашел, эту красивенькую бумажку, приносящую несчастье.

А главное, не спасайте ворон, если хотите жить!

5 января 1793 года. Из дневника Шарлотты Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо

Какое чудовищное событие! Какие страшные новости! Только что прибыл нарочный из Парижа. Он мчался двое суток без отдыха и загнал коня, он и сам едва жив. Но что за вести он привез!

Их две. Две вести о смерти. Обе они касаются и Франции, и нашей семьи. Которая из них страшнее? Обе чудовищны... Но если одна наполнит сердца всех благородных людей ужасом, другая заставит их вздохнуть с мрачным облегчением и подумать о том, что справедливость еще есть на небесах, которые, чудится, в последние времена вовсе отворотили свои взоры от нашей несчастной страны.

Мой отец лишился сознания, когда обе эти вести дошли до него. Он человек благородный, но – глубокий старик, и к тому же он – отец...

Я понимаю его. Ведь и я не просто графиня Лепелетье де Фор, аристократка, но и сестра. У меня у самой разрывается сердце от того, что я не в силах примирить свое горе с благодарностью небесам. Я оплакиваю проклинаемого... Я ничего не могу с собой поделать.

Но – прочь слезы! Их давно не видел мой верный дневник. Не увидит и теперь.

Вот первая из новостей.

Конвент проголосовал за казнь короля! Наш народ, кинувшийся было от «Vive le Roi!» к «Vive la République!», выкрикнул теперь: «Vive la Mort!»¹. Это был не единогласный, не друж-

¹ «Да здравствует король!», «Да здравствует республика!», «Да здравствует смерть!» (франц.)

ный крик, однако мой брат, мой брат... он был среди тех, кто подал свой голос за убийство государя!

Нет, я не могу поверить. Луи-Мишель! Мой брат!

О боже, но разве не шло все к этому с тех самых пор, как граф Луи-Мишель Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо объявил себя «другом народа», подобно Марату, Робеспьеру, Фуке-Тренвилю² и другим кровавым чудовищам? Мой брат – аристократ, человек благороднейшего происхождения! – начал уверять, что правы те, кто сажает аристократов на тележки и отправляет на прокорм к «тетушке Луизе»³. Он вместе со всеми распевал «Ça ira!»⁴ и заигрывал с этой жуткой девкой, как они ее называли, «амазонкой революции», проституткой Теруань де Мерикур, и приветливо улыбался «вязальщицам», которые шли за приговоренными к эшафоту, выкрикивая злобные насмешки, и вязали, беспрестанно вязали при этом толстые полосатые носки на продажу, а потом пытались подкупить палача, чтобы тот продал им волосы, остриженные с голов «аристо», аристократов, перед тем, как эти головы скатятся в корзину. Ведь волосы казненного, уверены эти гнусные простолюдины, приносят счастье...

Чужая мучительная смерть приносит счастье? Чудовищное представление! Зрители его – чудовища! Мой брат уже давно стал таким же. Чего только стоят эти его безумные проекты национального воспитания детей?! Он предлагал всех детей начиная с пяти лет отнимать у родителей и помещать в какие-то интернаты, созданные за счет налога на богатых и знатных! За отказ родители лишались бы гражданских прав и подвергались штрафам. Дети должны были работать на полях и в ремесленных мастерских, обслуживать себя, ухаживать за стариками. Какая глупость! Зачем мучить несчастных детей и лишать их родительской ласки? Когда я осмелилась сказать брату, что сам он ни за что не отдал бы в такой интернат свою дочь, он страшно рассердился и увез свою семью из Сан-Фаржо. Боже мой, я так давно не видела ни милую Аделаиду, ни маленькую, очаровательную Луизу-Сюзанну! Я так соскучилась по ним!..

Почему, ну почему я надеялась, что настанет время – и мой брат одумается, спохватится, устыдится себя и того, что он делает?

Теперь это время уже никогда не настанет.

Наш злосчастный король еще только выслушал свой смертный приговор. Он проживет еще три дня, прежде чем сложит свою невинную голову на гильотине. А приговор моему брату уже приведен в исполнение!

Я почти не знаю подробностей. Надеюсь, что скоро мы получим более пространные вести о случившемся. Наверное, их привезут те, кто доставит из Парижа тело Луи-Мишеля. Курьер – он человек верный, но недалекий – мог только очень бегло рассказать о том, что творилось нынче в Париже: сначала в зале Манежа на Вандомской площади, где проходил суд, а потом и в ресторанчике Феврье в Пале-Рояле. Он говорил, что 11 декабря под проливным дождем из ворот тюрьмы Тампль выехала карета мэра Шамбона, в которой сидел король, одетый как буржуа: в орехового цвета сюртуке и рединготе. В карете с его величеством (эти низкие негодяи называли его «гражданин Луи Капет», но мне никто, никто не запретит называть Людовика XVI по-прежнему – его величеством!) были сам мэр и прокурор Шоммет; снаружи их сопровождал комендант Сантер с пушками, кавалерией и двойным рядом пехоты; все взводы с оружием были наготове, усиленные патрули рыскали по соседним улицам.

Сантер ввел Людовика в зал под руку... из почтительности? Или он боялся, что король – король Франции! – вдруг кинется в бегство, словно какой-нибудь воришка?! Почтительность, граничащая с оскорблением!

² Деятели Французской революции конца XVIII века.

³ Народное прозвище гильотины, по имени ее изобретателя, доктора Луи Гильотена. Приговоренных везли к месту исполнения приговора в особых позорных тележках.

⁴ Первые слова революционного гимна описываемой эпохи – «Так пойдет!».

Это был тот самый зал, где ровно год назад наш король принял Конституцию. Тогда все танцевали и рукоплескали. Теперь королю (королю Франции!) сухо говорят: «Людовик, вы можете сесть». И ему приходится уговаривать Конвент, чтобы королю Франции позволили взять адвоката, хотя это право закреплено в той самой Конституции, которую он принял под давлением этих негодяев, этих мерзавцев... к которым принадлежал и мой брат.

Важный Тарже, стяжавший скандальную славу, защищая кардинала Рогана по знаменитому делу об ожерелье, отказался быть адвокатом короля: он-де старик, ему пятьдесят четыре года! А вот шестидесятичетырехлетний мэтр Троше не отказался. И семидесятилетний Мальзерб вызвался сам, сказав при этом: «Я дважды призывался в совет моего монарха, когда весь мир домогался этой чести, и я обязан ему этой услугой теперь, когда многие считают ее опасной». Для защитительной речи они выбрали более молодого адвоката де Сеза и принялись за изучение пятидесяти семи обвинительных пунктов и за сто два документа.

Настало 26 декабря, среда. Де Сез говорил почти три часа. Его речь, мужественная и обдуманная, могла бы произвести впечатление, когда бы не было все решено заранее.

Де Сез понимал, что обречены на поражение и он с его попытками защиты, и король. Единственное, о чем адвокат просил, это чтобы не сам Конвент выносил приговор, а чтобы спросили волю народа! Народа, именем которого революционеры учинили в стране кровавый дебош! Увы, в этом адвокату и его подзащитному было отказано. «Вот он, народ!» – прозвучало с высоких трибун обвинения, а затем последовал патетический жест в сторону переполненных рядов для публики.

Кто же занимал эти ряды? По словам нашего осведомителя, в основном это были простоллюдины, отбросы общества, обитатели рынков, мясники в фартуках и с ножами за поясом, черные от копоти угольщики, пьяные санкюлоты в красных колпаках. В первом ряду были оставлены места для герцога Орлеанского и его любовниц. Они приехали в фиакрах, разукрашенные трехцветными лентами и синими и красными перьями. Кузен короля приехал полюбоваться тем, как его родственнику будут выносить смертный приговор...

Но большую часть мест в зале занимали подруги этой ужасной женщины, Теруань де Мерикур, потому что она опасалась, что мужчины побоятся голосовать за смерть Людовика. Как я слышала, эта особа вообще невысокого мнения о мужчинах и признает их годными только для своих развратных занятий, но отнюдь не для серьезных, тем паче государственных дел. Ну что ж, жизнь показала, что эта девка хорошо знает людей!..

Писать больше не могу – меня зовут к отцу.

Наши дни. Василий Каширин

– А не пойти ли вам всем в сад? – пробурчал Василий себе под нос, завидев приближающегося к нему гаишника. И это еще очень мягко сказано! В половине второго ночи, на Дзержинском повороте трассы Москва – Нижний Новгород, можно употребить и другие, более сильные выражения – особенно если тебя ни с того ни с сего тормознули у поста ГИБДД.

Можно было, конечно, махнуть мимо поста. Но! Не далее как полмесяца тому двоюродный брат Сева «маханул» на этом же самом месте, однако уже на подъезде к Нижнему был остановлен превосходящими силами автоинспекции и конвоирован прямоком в отделение. Там ему сообщили, что «Лексус» совершенно с такими приметами и схожим номерным знаком был недавно обозначен в полицейской ориентировке, так что предъявите документы, гражданин, а также извольте лицом к стене, руки на голову, ноги на ширину плеч!.. Сева провел трое суток в «обезьяннике», ну а «Лексус» это время простоял на штрафной стоянке, где с него сняли все, что можно было снять, а заодно нацарапали на крыле неприличное слово.

Совершенно понятно, что Сева после этого свой новый «Лексус» разлюбил, смотреть на него больше не мог и быстренько сплавил его за полцены двоюродному брату Василию.

Разумеется, тот был до одури счастлив, однако сейчас, около рокового поста, он вдруг подумал, что, может, этот «Лексус» обладает даром притягивать к себе неприятности.

Но делать нечего. И деваться некуда.

Итак, Василий затормозил, высунулся из окошка и скроил из своего усталого, отчаянно зевающего рта некое подобие кривой улыбки.

– Извините, гражданин, ради бога, – сказал высокий узколицый сержант, и Василию почудилось, что он заснул за рулем и видит сон, в котором ментам преподают уроки хороших, нет, отличных манер. А может быть, он вообще заснул, упоенный этим сном, настолько крепко, что уже даже врезался спящий на полной скорости во что-то железное, разбился насмерть и теперь на N-ском километре трассы Земля – Заоблачные Выси его встречает какой-нибудь архангел Гавриил, нацепивший сержантские погоны.

– Вас как зовут? – спросил он, не удержавшись.

– Сержант Кондратьев Эдуард Валентинович, – чуточку напыщенно представился сержант, и Василий кивнул, уверившись, что жив покуда: архангела по имени Эдуард на небе вряд ли сыщешь.

– У нас тут проблемы, – искательным тоном промолвил Эдуард Валентинович.

Документы Василия он не потребовал, и тот насторожился.

Плохо, когда гаец проверяет документы. Но еще хуже, когда он их не проверяет и заводит с тобой разговоры за жизнь.

– Проблемы?

– Ну да... Женщина вышла на наш пост из леса. Беременная! А у нас в патрульной машине бензонасос полетел. Представляете? Отвезите женщину в больницу, идет? Проявите гуманизм, ладно? Там на самом въезде в Дзержинск клиника, вам не придется особенно сворачивать.

– Да я вообще-то в Нижний еду, а не в Дзержинск, – заикнулся было Василий, однако Кондратьев повторил:

– Я ж говорю, особенно сворачивать не придется. Буквально сразу за чертой города клиника.

«Клиника, клиника», – мысленно повторил Василий довольно уныло, ибо уже чувствовал, что, хочешь не хочешь, а придется везти эту особу, которая ночью шляется по лесам и набредает на пост ГИБДД, в больницу. Как, интересно знать, отказаться, когда к тебе обращаются с таким пиететом?

– Больница-то хоть бесплатная? Или имеется в виду, что мне надо будет там кому-то какие-то деньги совать? – обреченно спросил Василий, получил в ответ очередное горячее заверение сержанта Эдуарда, что более бесплатной больницы не сыскать ни в Нижегородской области, ни во всей необъятной России, и с тяжким вздохом снял блокиратор с задней дверцы.

– Давайте вашу женщину, – буркнул он.

– Сейчас, сейчас! – суетливо пробормотал Кондратьев, бросаясь к освещенному домику автоинспекции и от поспешности запинаясь нога за ногу.

«Е-мое! – тоскливо подумал Василий. – Вот же гуманист нашелся, а?! Что он так выплясывает вокруг этой бабы? А впрочем, при чем тут гуманизм? Наверняка просто хочет избавиться от нее...»

Из темноты медленно вышел Кондратьев, осторожно ведя под руку грузно ступавшую высокую женщину.

Одного мгновения хватило Василию, чтобы понять, отчего Эдуард Валентинович был обуреваем желанием как можно скорее избавиться от ночной незнакомки. Она была цыганка! Самая настоящая цыганка – босая, во множестве юбок и с длинными черными косами! Цыганка была беременна, и все эти многочисленные юбки нелепо топорщились на ее высоком,

непомерно раздутом животе. При ходьбе она то и дело сгибалась и замирала на мгновение, словно не в силах была идти дальше, хваталась то за поясницу, то за живот...

Уж на что мимолетным было общение Василия с дамами в интересном положении, но и он, при всей своей неопытности, натурально схватился за голову: ведь если цыганка не родит своего цыганенка в его машине, это будет настоящим чудом!

Из раздела «Происшествия» газеты «Губернские ведомости»

Минувшей ночью на автодороге Москва – Нижний Новгород вблизи поворота на Дзержинск совершено разбойное нападение на пост дорожной инспекции. Убиты находившиеся на ночном дежурстве сержант Кондратьев Э. В. и прапорщик Гридя Н. К.

Расследование преступления взято под особый контроль. Наш источник в пресс-службе областного УВД сообщает, что отрабатываются версии злостного хулиганства, а также связи с профессиональной деятельностью убитых.

15 сентября 1919 года, Петроград. Из дневника Татьяны Лазаревой

...Ошиблась я? Или это впрямь была она? Та самая, с перьями в волосах и в рыболовной сетке вместо платья? Как же ее звали, бог ты мой...

Бедный мой дневник, чего тебе только не приходится терпеть, какими только сумбурными записями не пестрят твои страницы!

Но сегодня такой кошмарный день, что беспорядочность мыслей извинительна. Впрочем, попытаюсь все же писать по порядку.

Только что вернулась домой, и сил нет ни на что, только сесть и записать развязку той трагедии, которая разворачивалась на моих глазах и завершилась нынче. Хотя, какого еще исхода можно было ожидать для полковника, заключенного в предварилке? А для всех остальных? В том числе и для моего несчастного брата?

Я бывала в приемной предварилки еще раньше, девочкой. «В старое время», как теперь принято выражаться. Мы ходили туда с моей тетей Лидой, младшей сестрой мамы. Лида (чаще я звала ее Лидусей) была курсистка, в предварилку иногда сажали ее друзей-студентов, «возмущавшихся» против правительства. Сюда ненадолго попадали за участие в демонстрации или за хранение и распространение нелегальной литературы. Как-то раз угодила «к сатрапам» и Лидуся. Правда, до тюрьмы дело не дошло. У нее и еще нескольких барышень-курсисток и молодых студентов просто отобрали на время студенческие билеты. Помню, в канцелярии на Гороховой один из «сатрапов» – усатый жандарм, совсем не злой, а просто очень усталый, ворчал:

– Что ж, молодые господа, неужто делать вам больше нечего, как только жизни себе ломать? Вот погодите, дома влетит вам от родни! Папаша с мамашей небось на вас не надышатся, небось последние деньги отдали на вашу учебу, а вы фордыбачите. Чем вам не мила власть, в толк не возьму. Что ж лучше-то может быть?! Возьмите билетки и подите учитесь, а больше в политику не лезьте, не то пробросаетесь жизнями-то!

Усатый жандарм как в воду глядел. Пробросались мы, ох, пробросались! Все изменилось, а уж предварилка-то... В приемной, где раньше собиралось человек 15–20, теперь густая толпа – соответственно количеству тюремного населения. В камерах, рассчитанных на восемь человек, теперь 54. А ее узники... они те же студенты и курсистки, только повзрослевшие, поставившие, проклинаящие заблуждения своей молодости, которые довели их и Россию до того жуткого безвременья, кое мы переживаем и конца коему ждем... но уже вряд ли верим в возможность перемен! Они, эти глупенькие, наивные друзья Лидуси, считали честью «пострадать за народ». Он-то, народ, и отблагодарил их нынче!..

Но вернемся к предварилке. Помню, тетя Лида приносила своим друзьям «политическим» в предварилку жареных рябчиков, конфеты от Беррини и цветы от Эйдерса. Все это она, курсистка, вполне могла себе позволить, хотя жила своим трудом, без помощи родителей: эмансипе! Я же, недоучившаяся акушерка, с азартом продаю портьеры, меховые воротники и бабушкино серебро, а в результате могу позволить себе принести брату только жалкий горшочек пшенной каши. Порцию для воробья, и то – воробья несовершеннолетнего! А ведь мой любимый брат – взрослый, высокий мужчина...

Впрочем, Костя не жалуется. Недавно ему удалось через охранника передать мне письмо, в котором он уверял, что не голодает и даже делится с товарищами, потому что у них в тюрьме образован своего рода комитет, который следит за тем, чтобы все были хотя бы относительно сыты. Это случилось три месяца назад, с тех пор как в этой камере оказался полковник Борисоглебский. Заключенные выбрали его своим представителем. Он-то и придумал создать комитет защиты заключенных. Теперь члены комитета вместе с тюремными служащими принимают передачи. В тюрьме, писал Костя, много лиц, которым никто ничего не приносит, поэтому постановлено, что треть всего, приносимого с воли, идет им. В этом распределении участвует и господин полковник Борисоглебский.

Наверное, это чудесный человек. Наверное, это был чудесный человек... Я не знала его. Но я успела немного узнать его жену.

В стене проделано окно, через которое передают на тюремный двор, служителям и членам комитета, передачи. Происходит это по пятницам, и каждую пятницу я видела около окна одну и ту же женщину. Мне с первого взгляда почудилось, будто я ее откуда-то знаю. Стала присматриваться, но никак не могла вспомнить. Однако я любовалась ею. Она такая молоденькая, лет двадцати, никак не больше, и необычайной красоты: черты точеные, изумительные фиалковые глаза, пушистые кудрявые локоны. Правда, щеки ее бледны, а губы напряженно сжаты, но иногда они распускаются в улыбке, словно цветок. Именно благодаря этой улыбке я и вспомнила, где видела ее прежде. Это было два года назад, в 1916-м, в доме княгини Юсуповой на Литейном. Говорят, этот самый дом был описан Пушкиным в «Пиковой даме»! Именно там якобы прятался на черной узенькой лестнице обманувший Лизу Германн, взглянув сквозь приоткрывшуюся дверь спальни на портрет красавицы с аристократической горбинкой тонкого носа, с мушкой на щеке и в пудренном парике. Портрет той самой графини, к которой был равнодушен сам великий магнifikатор Сен-Жермен и которой он открыл три заветные, беспроигрышные карты: тройка, семерка, туз... Теперь в особняке Юсуповой проводили литературные вечера самого разного свойства. Несколько дней назад чествовали память недавно умершего писателя Гарина-Михайловского, сегодня выступали футуристы... Мы с Костей, помнится, тоже получили приглашительные билеты, но, по милости моего рассеянного братца, опоздали, явились чуть ли не к самому разъезду. Главный герой вечера, знаменитый поэт, уже провозгласил свое коронное:

– Я гений, Игорь Северянин, своей победой упоен! – И отбыл блистать в какой-то другой дом, да и прочие поэты уже все отчитали свои стихи, остались лишь две молодые девушки.

Мы вошли, когда одна только что закончила декламацию и склонила голову под аплодисменты. Она была прелестна – ну сущий ангел с фиалковыми глазами в облаке пушистых кудрей. Рот ее напоминал бутон мальвы. Благодаря ее изумительной, неповторимой улыбке я и узнала милую женщину, которая неотступно дежурила у окошечка в тюремной ограде...

Помнится, тогда, у Юсуповой, с ней рядом стояла еще одна девушка – маленькая (едва доставала подружке до плеча), черноволосая и черноглазая, не то еврейского, не то цыганского, не то итальянского типа, тоже красавица, но красота ее была явно отмечена тенью порока. Все футуристы на тот вечер явились одетыми не как люди: на одном фрак был вывернут наизнанку, на другом фрак был как фрак, зато вместо черных брюк – полосатые кальсоны... И это еще

хорошо: рассказывали, что они как-то раз, во главе с этим безумным Бурлюком, прошлись по улицам Петрограда совершенным голышом, зажав в зубах сигары!..

Красавица с фиалковыми глазами была одета, можно сказать, нормально, если не считать, что одна половина ее платья была синяя, а другая – зеленая, один чулок черный, а другой темно-желтый. Туфельки, правда, были одинаковые: голубые. Но весь этот цветовой разноречивой к ней странным образом шел, настолько прелестна и гармонична была она сама. А вот ее подруга... Густые волосы распущены, в них тут и там воткнуты птички (кажется, даже петушиные!) перья, черные и алые, а худенькое, словно бы полудетское тело обмотано серой рыболовной сетью. Под ней явно не было ничего. Я видела – я сама это видела! – как сквозь ячейки сетки торчали соски, сильно подкрашенные алой краской, словно у какой-нибудь гетеры.

Выглядела она в этом фешенебельном особняке, конечно, вызывающе неприлично, все собравшиеся глаз не могли оторвать от этих торчащих сосков и вряд ли слышали даже стихи, произносимые высоким, чрезмерно тонким и резким голосом футуристки... не помню, о чем были стихи, но в своей тетрадке я нашла запись о том дне. Вот она:

«Были с К. у Юс. на чтениях фут-в. Бред и чушь. Хор., что опозд. Одна ф-ка – улыбка, будто цв. Др. – пошл. гетера. Стихи тоже пошл.»

Смешно – тогда мой дневник пестрел сокращениями, я старалась писать как можно короче, словно куда-то постоянно спешила. И в самом деле, у меня никогда и ни на что не хватало времени, я вечно опаздывала, старалась успеть везде: и на службу, и на курсы, и на уроки танцев, и на все литературные вечера, и на выставки, и в библиотеку, и еще успеть помочь Косте выполнить задания...

Куда мы все спешили?! Зачем, ради всего святого, торопили время, словно бы гнали его вскачь?! Только теперь стало понятно, что жить в те последние нормальные, человеческие годы надо было как можно тише, как можно медленней, чтобы время не сжималось, а, напротив, растягивалось, словно струйка густого золотистого меда, неспешно стекающего с серебряной ложки...

Как глупо. Стоит мне начать вспоминать о прежнем, и я плачу, словно последняя истеричка!

Не могу больше писать.

Наши дни, Дзержинск. Василий Каширин

Цыганка, как села на переднее сиденье («Лексус» машинка не тесная, вот уж нет, однако даже в «Лексусе» на заднем сиденье не поместился беременный живот), так и сидела, выпрямившись, словно кол проглотила, пристально уставившись вперед, на дорогу.

«Лексус» – он по хорошей дороге километры жрет только так! А вот по таким колдобинам, как те, которые сейчас под колесами, таскаться не выучен. Иногда попадались такие подскоки, что Василий покрывался ледяным потом и отчаянно скашивал глаза: не начались ли у его пассажиры уже схватки или, чего доброго, преждевременные роды?!

Но цыганка по-прежнему сидела прямо, с заострившимся носом, и тискала длинными смуглыми пальцами подол.

В этом было что-то неестественное – в ее молчаливости, в ее выдержке.

Она должна вести себя совсем иначе! Корчиться, громко стенать, выдавливая сквозь стиснутые зубы какие-то невнятные, очевидно, сугубо цыганские слова. Скандалить, просить ехать побыстрее или, наоборот, не гнать. В конце концов, предлагать ему погадать, что ли! Она же молчала, словно... словно партизанка в лапах врага. Такое ощущение, что Василий везет ее на расстрел, а не в роддом!

Между прочим, сержант Кондратьев наврал: роддом (клиника!) вовсе не находился «на самом въезде в Дзержинск». Раза три Василию приходилось сворачивать к допотопным киоскам – на заре демократии такие зарешеченные железяки назывались «комками», в Нижнем их все давным-давно поносили, а здесь, в глубинке, они все еще маячат, словно призраки прошлого! – и спрашивать дорогу. Но вот наконец в свете фар мелькнули два двухэтажных дома, соединенных длинным переходом, и он понял, что прибыл на место. И не только сам прибыл, но и свой опасный груз доставил!

– Интересно, где тут у них приемный покой? – проворчал Василий себе под нос, вглядываясь то в одно темное здание, то в другое.

Заглушил мотор, открыл дверцу. Полуобернулся к цыганке и предупредил:

– Не волнуйтесь, я сейчас выйду поищу кого-нибудь. Потерпите еще минуточку, ладно?

На всякий случай он все же выдернул ключ из замка зажигания, да и барсетку с мобильником, документами и деньгами прихватил с собой. «А стерео-магнитола она все равно выкрутить не успеет, – решил Василий. – К тому же ей сейчас наверняка не до магнитолы».

В борсетке у Василия еще был электрический фонарик – маленький, но очень сильный. В его свете он разглядел притулившуюся к каким-то дверям кучу угля и даже ахнул, не поверив в первую минуту глазам. Вот куда заехал, а?! Здесь еще кочегарка, в этом допотопном родовспомогательном заведении! Одно слово – клиника! Углем топят! Полная тмутаракань, такое впечатление, что прямо за стенами роддома простирается глухая тайга!

Вдруг лучик фонарика высветил крашеную голубой эмалью большую железную дверь, а рядом Василий увидел кнопку электрического звонка. Радостно надавил на кнопку – и тут же отдернул руку. Наверное, это был самый громогласный звонок на свете! Он не просто звенел – он истерически визжал, разрывая своим звуком барабанные перепонки.

Василию страшно захотелось смыться, пока не раздались из всех темных окон вопли перебуженных этим жутким звоном младенцев, одна только мысль о том, что на экономфаке, который он окончил, среди преподаваемых дисциплин основы акушерства и гинекологии не значились, а стало быть, самостоятельно он роды у цыганки принять не сможет, удержала его на месте. И слава богу, потому что в эту минуту дверь скрипуче открылась.

– Вы что? – спросила девушка в белом халате и расшлепанных босоножках. – Вы почему здесь звоните, а не в приемном покое?

Вот те на!

Василий уставился на нее, хотя ничего особенного в ней, если честно, не было – заспанная, растрепанная, с подпухшими глазами, одна щека очень румяная: явно лежала на этой стороне, когда храпака давила, пользуясь тихим дежурством! – и Василий испугался, что она на него злится за то, что перепутал двери, что разбудил.

– У меня женщина в машине, вот-вот родит, – выпалил он, чтобы оправдаться, и вдруг обнаружил, что девушка и не думает сердиться.

– Да вы знаете, мужчин сюда не возят, – ответила она со смешком. – А где ваша машина? Тут? – И она показала своим энергичным подбородком ему за плечо.

– Нет, около первого здания.

– Ну, это без разницы, у нас и там, и тут есть родовые палаты, – сообщила докторша (а может, она была медсестра, но это не суть важно). – Она как, в каком состоянии? Это жена ваша? Какой у нее срок?

– Не знаю, – мрачно буркнул Василий. – Это моя случайная попутчица. В смысле, меня попросили отвезти ее в роддом. Поэтому я не знаю, какой у нее срок, но, такое впечатление, что она вот-вот родит!

– Как вы думаете, она сама выйти сможет, или нужны носилки? – озабоченно спросила докторша (или медсестра), беря Василия за рукав двумя пальцами и сводя по ступенькам. – Давайте по двору туда пройдем, так скорей выйдет, чем нашими переходами.

– Носилки? – повторил он, пытаясь разглядеть в полусвете, падающем из открытой двери, что это там написано на табличке, припиленной к кармашку ее халата. Как ее зовут?.. Валентина, кажется. Валентина Макарова, а по отчеству – Николаевна. И она педиатр... И тут он спохватился, что слишком увлекся разглядыванием таблички и тем, что под ней. – Носилки?.. Наверное, не надо носилок. Впрочем, не знаю. Она там вся такая сидела, когда я уходил. – И он стиснул зубы, зажмурился и на несколько секунд для наглядности даже окаменел.

– Воды отошли, не знаете? – спросила педиатр Валентина Макарова, торопливо шагая с ним рядом.

– Воды?! – Василий в какой-то книжке, вроде бы в детективе даже, читал описание того, как отходят воды у рожениц! Не приведи господь увидеть. Что, если у цыганки они отходят прямо сейчас? На кожаное, розово-бежевое сиденье его шикарного «Лексуса»...

Он снова споткнулся, да так, что чуть не врезался головой в крыло означенного «Лексуса». Ага, так они уже дошли до машины. Василий суетливо распахнул дверцу.

Цыганка на месте, сидит в той же позе партизанки за пять минут до расстрела. Только зажурилась судорожно и дышит со свистом – видно, совсем худо стало. Однако на полу сухо. Воды, стало быть, пока не отошли. И магнитола на месте!

Если Валентина Николаевна и удивилась, увидав в роскошном «Лексусе» цыганку в линялых юбках, то виду не подала. Василий оценил ее тактичность, однако все же порадовался, что своевременно развеял предположения насчет могущей быть жены. А то педиатр Макарова небось сочла бы его каким-нибудь цыганским бароном!

– Ну, ты как, моя дорогая? – спросила Валентина Николаевна тихо и так мягко, что зажмуренные глаза цыганки приоткрылись. Проблеснули черные, влажные от муки глаза.

– Але-лай... – вымолвила она сквозь стиснутые зубы на каком-то незнакомом Василию, наверное, цыганском языке, но тотчас пояснила по-русски:

– Плохо. Совсем плохо.

А ведь это он в первый раз услышал ее голос. Голос был гортанный, хриплый, сдавленный.

– Плохо? – повторила Валентина Николаевна удивленно.

Странно, что ее удивило? Разве и так не видно, что этой бедолаге – хуже не бывает?

– Ладно, – заторопилась она, – давайте-ка будем выбираться из машины. Без этого никак не обойтись, мы же не собираемся рожать прямо здесь, верно? А потом тихохонько поднимемся на крылечко. Ты идти-то сможешь, или все же сбегать за носилками?

Цыганка буркнула сквозь зубы что-то неразборчивое и осторожно выставила из машины одну ногу. Утвердилась на ней, потом медленно повернулась и выставила другую ногу. Попыталась подняться – но не смогла, застонала громко.

– Вас зовут как? – деловито спросила Валентина Николаевна. – Василий? Вы вот что, Василий, вы берите ее под одну руку, а я под другую!

Он подчинился, и вдвоем с докторшей они с немалыми усилиями вытянули цыганку из «Лексуса».

Она, чудилось, была в полусознании, никак им не помогала, а только громко дышала сквозь стиснутые зубы. Стоило ей утвердиться на ногах, как она вдруг хрипло вскрикнула, чуть присела – и из-под ее юбок хлынула какая-то жидкость.

Все в точности, как в той книжке описано, – воды отошли. Василий зажмурился, чтобы не видеть, как эта жидкость попадает на его кроссовки. Ладно хоть из машины вылезла, а эти кроссовки он все равно никогда не любил. Выкинет, как только до дому доберется.

Если вообще доберется когда-нибудь. Отчего это кажется, что нынешняя ночь будет длиться бесконечно?

– Ох ты, господи! – сказала Валентина Николаевна – без особого, впрочем, испуга, а вполне буднично. – Вот вам, пожалуйста. Надо поторапливаться. – Тут она достала из кармана

мобильник, ткнула в какую-то кнопочку и сказала в трубку: – Катерина, зови быстренько Виталия Ивановича. У Москвитиной еще не скоро, а тут уже воды отошли, готовьте каталку, стол! И скажи, пусть в первом корпусе дверь откроют!

В ту же секунду вспыхнул свет сразу в нескольких окнах на первом этаже левого крыла, и на дворе у крыльца стало светлее.

Василий и докторша втянули цыганку на одну ступеньку, потом на другую, приблизились к двери, и Валентина Николаевна сердито ткнула в нее ногой:

– Да открывайте, хватит спать!

Дверь отворилась, стало еще светлей, в проеме возникла черная фигура, и Василий даже ахнул от удивления, потому что это была не медсестра или врач, а... полицейский. В первую минуту показалось, что это все тот же сержант Кондратьев, но тут же Василий спохватился, что сержант ведь не призрак какой-то, не может мотаться вслед за ним по ночному Дзержинску. К тому же это был прапорщик, а не сержант.

– Да что вы тут сидите, Москвитин! – с досадой воскликнула докторша. – Прямо как будто в первый раз, ну, честное слово! Вашей еще часа три ждать, не меньше, ну неужели делать больше нечего, как топчан просиживать и зубами стучать?

– Посмотрел бы я на вас, в каком бы вы были состоянии, если бы тут ваша жена рожала! – запальчиво воскликнул прапорщик Москвитин.

– Тут уж вам не повезло! – пропыхтела Валентина Николаевна, с усилием перетаскивая через порожек правую сторону цыганки (за левую отвечал Василий). – Вовек вам не увидеть, в каком я буду состоянии, когда моя жена станет рожать!

Москвитин наконец-то сообразил, что именно сказал, и нерешительно хихикнул. Ну а докторше и Василию было уже не до смеха. Цыганка в их руках словно бы в два раза отяжелела и начала оседать на пол.

– Ну, привет, – с досадой сказала Валентина Николаевна, пытаясь ее удержать. – Началось. Да где там они все?! Эй, держите ее, держите!

Это адресовалось Василию, который почему-то разжал руки, и цыганка немедленно улеглась на левый бок, а потом рванулась из рук докторши и перевернулась на спину.

Тело цыганки выгибалось, живот казался уж и вовсе нечеловечески, неестественно огромным, она что было силы стискивала колени, стараясь поднять их как можно выше. Глаза ее были широко открыты, но бессмысленно, незряче метались из стороны в сторону.

– Э-э, нет, моя милая, – строго сказала Валентина Николаевна, опускаясь рядом с ней на пол. – Этак ты своего ребеночка живьем задавишь. Ноги не сжимать надо, а развести пошире, упереться ступнями в пол и тужиться. Только ты погоди пока! На полу людям рожать не положено. Тебе надо хотя бы до топчана добраться!

Она бормотала что-то успокаивающе-деловитое, а сама тянула цыганку за плечи вверх, но та нипочем не поднималась, а все норовила повыше поднять и покрепче стиснуть колени, с которых опадали линялые юбки, открывая худые, сильные, бледно-загорелые икры.

Валентина Николаевна перестала тянуть и сердито взглянула на Василия и прапорщика Москвитина, которые столбами стояли рядом и тупо глазели на эти задранные ноги.

– Мужчины, закройте рты! – скомандовала докторша, и Василий, спохватившись, вернул на место отвисшую челюсть. Зубы отчетливо стукнули друг о друга.

Рядом послышался схожий звук, и Василий понял, что Москвитин тоже исполнил приказание.

– Вот вы! – Докторша взглянула на Василия, и он невольно вытянулся по стойке «смирно». – Пойдите сюда. Держите ее за плечи. Надо на топчан перенести. – А вы, – приказала она прапорщику, – возьмите ее под коленки! Ну, чего стали!

Но прапорщик Москвитин не послушался. Он не стал брать цыганку за ноги, а сам пал на колени, схватился обеими руками за ворох многоцветных юбок и рывком закинул их цыганке на голову.

– Да вы что, Москвитин! Берите, вам сказано!.. – выкрикнула Валентина Николаевна – и вдруг осеклась.

Цыганка жутко, истошно закричала, мученически закидывая голову и уставившись на Василия безумными, огромными, черными глазами.

Почему-то этого взгляда он испугался так, как не пугался ничего и никогда в жизни. Его словно бы затягивало в какие-то бездонные, смертельно опасные провалы, воистину в черные дыры! Он торопливо отвел – нет, словно бы отдернул глаза – и увидел, как Москвитин вдруг выхватил из кармана большой перочинный нож, сильным взмахом, со щелчком, выбросил из него узкое, длинное лезвие и... и резко чиркнул по животу цыганки!

Наши дни, Дзержинск. Валентина Макарова

Мне очень стыдно, конечно, это признавать, однако эти жалкие пятьдесят евро очень здорово улучшили мое настроение. И, топя пешком на вокзал, а потом добираясь до работы, я думаю только о них. Даже позорное ночное приключение, после которого я бросилась с балкона, кажется таким далеким, что не заслуживает даже воспоминания. Теперь я не думаю о прошлом – только о будущем!

Наверное, это показывает, что я не слишком-то высокодуховная натура, а материальная, меркантильная и расчетливая? Да? Ну и ладно. Неприятность эту мы переживем!

Вся штука в том, что на днях я должна лететь в Париж. На деньги, которые я целый год копила! Подрабатывала где и как могла, устроилась еще на полставки в одну шарашкину контору, где беззастенчиво дурят толстых гражданок возможностью моментально и безвозвратно похудеть... И вот с помощью этих наивных теток, которые мечтают избавиться от «ушей» на бедрах и складок на талии, по-прежнему треская на ночь пельмени с плюшками и заедая их эфемерными капсулками с какой-то пылью, может, даже на улице наметенной, прямо с тротуара, я малость разбогатела. И вполне могу себе позволить такое путешествие. Билета у меня еще нет, потому что я толком не знаю, когда меня отпустят с работы. Если выпишут с больницы нашего третьего педиатра, Наташу Карбасову (в роддоме нас должно оставаться как минимум двое), тогда все, вопросов нет, могу идти в отпуск хоть завтра и сразу брать билет. Виза-то уже три дня как действует!

Я еду не по турпутевке, а по частному приглашению. В прошлом году моя давнишняя подружка Лера Лебедева вышла в Париже замуж за миллионера (ей-богу, вот провалиться мне на этом месте, если вру!), да еще и сама получила какое-то безумное наследство – почему-то от папы этого самого миллионера⁵. Я до сих пор толком не знаю, что там да как, в письмах ведь всего не опишешь, но Лерка, надеюсь, мне расскажет при встрече. Она французское гражданство еще не получила, однако ее муж любезно прислал мне приглашение. Но я еду не просто так – поглазеть на разные легендарные местечки, а также облегчить свой и без того легкий кошелек в парижских магазинах. Закон природы: стоит барышне счастливо выйти замуж, как она немедленно же принимается устраивать семейное счастье своих подруг, словно у нее открывается аллергия на холостячек. Такова и Лера. Она обуреваема желанием пристроить меня за хорошего импортного человека! Вдобавок ко всему ее парижская подруга (она француженка, но замужем за русским!) держит ни больше ни меньше, как брачное агентство! Через эту самую Николь Брюн (в замужестве она Понизовская) Лера и познакомилась со своим Жераром. Теперь Николь по просьбе Леры подыскивает женихов мне. Посланы фотографии,

⁵ Эта история описана в романе Е. Арсеньевой «Париж. ги».

то да се... Насколько мне известно, желание встретиться со мной определенно выразили трое. Наличие дочери их нисколько не смущает. Итак, трое кандидатов уже есть, и Николь уверена, что это не предел!

Кстати, показательно, что даже после той пакости, которая учинилась со мной нынче ночью, я ни разу не назвала своего бывшего возлюбленного ни подлецом, ни коварным изменщиком. Да, не назвала. Потому что и сама хороша. Сплю (спала!) с ним, а сама втихомолку ищу жениха за пределами нашей великой и необъятной родины. И очень может быть, что уже нашла.

Так что надо ехать! Надо ехать... вернее, лететь. Ну выйдет же когда-нибудь Наталья со своего больничного! И я полечу – как только, так сразу.

Вопрос стоял ребром: добираться до Парижа через Москву, сначала поездом, а потом рейсами «Аэрофлота» или «Эр Франс», – или прямым из Нижнего, «Люфтганзой»? Разница в цене – пятьдесят евро. Существенно. Однако... до чего хочется полететь «Люфтганзой», как белый человек! Пересадка на парижский рейс во Франкфурте. Когда я еще побываю во Франкфурте? Говорят, это самый большой аэропорт в Европе. Может, у меня окажется между рейсами сколько-нибудь времени, чтобы доехать от аэропорта до города и хоть одним глазком глянуть на Германию? Виза-то шенгенская, путь почти по всей Европе открыт!

Еще вчера это были бесплодные мечтания. Но вот теперь у меня в кармане материализовались пятьдесят евро. Значит, «Люфтганза»?

Думаю об этом всю дорогу, и на пятиминутке, где нам «сдает дела» предыдущая смена, подробно описывая состояние каждой пациентки и младенца, так что «пятиминутка» затягивается на полчаса, – и на обходе я то и дело отвлекаюсь мыслями от взвешивания новорожденных крохотулек, обработки их пупков, общего осмотра... К счастью, с нашей малышкой все в порядке, никакой патологии ни при поверхностном осмотре, ни при более тщательном не замечаю. Пупки у всех подсыхают просто замечательно, с кожными покровами все о'кей, тремора конечностей, что указывает на определенную патологию, ни у кого нет, животов вздутых не обнаружено, то есть никто из мамочек ничего лишнего типа дыньки не съел, на аппетит своих птенчиков они не жалуются, вроде бы даже не больно-то крикливый народишко на сей раз в детской подобрался: спали, говорят, хорошо, все как на подбор. Это отлично, потому что стоит проснуться и заорать одному, как он перебудит всех своих соседей. Моя Лелька такая была. Я ведь тоже здесь рожала, в родимом роддоме. На мою дочку все «ночные» жаловались. Мало того, что меня тошнило все девять месяцев, пока я ее носила, так она еще первые три месяца жизни никому спать не давала!

Что у меня сегодня впереди? Две выписки – подготовить документы, поговорить с мамочками и рассказать, как ухаживать за дитяtkом в первое время. Это непременно. Присутствие дома новорожденного младенца отшибает соображение даже у тех, у кого дети уже есть. А тем паче – у новичков. Это я по себе знаю. Плюс к тому сегодня мы ожидаем двое родов. С одними все нормально, схватки идут своим чередом, рожать мы с ней начнем не раньше чем под утро. Второй случай похуже, сердцебиение плода ухудшилось, придется оперировать женщину, сама она, похоже, не разродится... Ну и, может, подвезут кого по «Скорой» с преждевременными. Короче, день предстоял определенно спокойный и самый обыкновенный.

После обхода главный сообщает:

– Ну, Валентина, путь свободен, можешь сваливать. Наталья завтра выходит с больничного. Отпускные тебе в бухгалтерии выдадут. Хоть сейчас, хоть завтра. Рада?

– Ой, вы не представляете!..

Та-ак... выходит, что завтра-послезавтра я могу лететь!

А вдруг нет билетов? Немедленно включаю компьютер в ординаторской, выхожу на сайт «Люфтганзы»... билет есть, ура! – бронирую его, бегу в бухгалтерию и получаю свои отпускные, и только начинаю открывать в своем мобильнике благословенный «Watsapp», чтобы

позвонить родителям, которые с моей Лелькой сейчас гостят у тети Любы в Новороссийске, а потом сообщить Лере, когда именно прилечу, как начинается свистопляска.

По «Скорой» привозят девчонку – нет, серьезно, именно девчонку, лет 16, не больше. Преждевременные роды, семь месяцев срок. Да это бы еще ничего, всякое бывает, но таких дур, как эта молодая мамка, я давно не видела!

Положили мы ее на стол:

– Тужься!

– Нет, мне больно. Не буду тужиться.

– А как рожать собираешься?

– Да мне уже неохота рожать. Покурить пустите!

Виталий Иванович – гинеколог наш – и тот остолбенел, а мы с Людочкой, акушеркой, вообще чуть не рухнули. Наконец Иваныч малость пришел в себя:

– Пока не родишь, не покуришь.

– Тогда пустите меня к мужу!

А сама колени сжимает, не слушается, бьется, рвется... Делать нечего.

– Ладно, погоди. Сейчас позовем твоего мужа, он к окошку подойдет.

«Родилка» у нас на первом этаже. Подошел к окошку «муж». С виду такой же пацан, как и «жена», но мозгов на одну извилину все же побольше:

– Нинуль, ты чего буянишь? Ты там смотри, врачей слушайся!

– Я курить хочу, а они не дают!

– Нинуль, как только родишь, тебе покурить дадут, и пивка я принесу...

Тут «Нинуль» начинает дико орать: роды идут своим чередом, вот и головка показалась. Так она знаете, что делает?! Пытается руками затолкать ребенка обратно в себя! Насилу успеваем ее схватить!

Нет, это просто кино. Причем плохое кино.

Ребеночек, мальчик, у Нинули родился практически неживой: наверное, легкие слизью забиты. Пытаюсь интубировать, но это бессмысленно.

– Не дышит? – спрашивает зав детским отделением Ольга Степановна. – Ну, часа три, может, поживет...

У меня сразу опускаются руки. У Ольги Степановны глаз-алмаз, она никогда не ошибается. И все-таки я не сдаюсь: делаю кислородную маску, беру дыхательный мешок, качаю, качаю... Что бы там ни пророчил «глаз-алмаз», я должна сделать все возможное и невозможное. Потом мы кладем младенца под капельницу, а меня сменяет сестра.

Потому что привезли новую роженицу. Тоже чудачка! У нее схватки еще ночью начались, а она в больницу не поехала, «Скорую» вызывать не стала: мужа ждала, который должен был вернуться из командировки, да задерживался. Ну и дождалась: чуть дома не родила. Повезло: как раз успели на стол, Виталий Иванович ей только велел:

– А ну-ка, давай, потужься! – И вот он, ребеночек!

Я мою малявку теплой водичкой с марганцовкой, обрезаю и зажимаю поповину, убираю слизь из носа и рта. Малявка успела немножко наглотаться мекония – это самые первые какашечки детские так называются. Раньше я думала, а куда деваются все эти, так сказать, отходы, пока ребенок в животе у мамы лежит? Они никуда не деваются, потому что их практически нет, то есть там производство безотходное, тот мизер, что все же есть, растворяется в воде, окружающей плод. Но когда ребенок рождается, для него это такой кошмарный стресс, что он не только орет, но и какается от страха перед новой жизнью!

Впрочем, сразу орут не все. Некоторые – только после очищения верхних дыхательных путей, вот как эта девочка. Мамочка волнуется, так и подпрыгивает на столе:

– Ну почему она не кричит, доктор? Почему?

И тут я демонстрирую наш любимый профессиональный фокус.

– Пока не кричи, – говорю, зная, что девулька еще не может издать ни звука. – Тихо, тихо... Ну а теперь, – и незаметно провожу ей по груди, – теперь ори!

Ох, как она заливается криком! Значит, дышит нормально. Мапочка тоже заливается – слезами счастья. Я не объясняю, что весь фокус заключается в своевременной тактильной стимуляции. Маленькие секреты большой медицины!

Потом у нас операция. Голова ребенка не проходит, женщина не может разродиться. Приходится накладывать щипцы...

Короче говоря, день этот идет себе и идет, и наконец-то наступает вечер. Тихий вечер! Можно телевизор посмотреть, чайку попить, подремать, мечтая о такой же тихой ночи, когда удастся наверстать упущенное ночью прошлой, когда я почти не спала... Благодать божья!

Вот только периодически достает нас один будущий папаша по фамилии Москвитин. Это его супружница должна рожать ночью. Я ему об этом двести раз сказала: «Рано еще, не маячьте тут, не мешайте!» Но разве уговоришь такого крутолобого бычка, к тому же в полицейской форме! Беспреданно возвращался и ходил, ходил, топал по приемному покою, хотя ему тоже надо было быть на дежурстве.

В конце концов наши пациенты, большие и маленькие, уснули. Мы все тоже разбрелись по лежанкам. Я пристроилась во втором корпусе, недалеко от двери. Там у нас в коридоре, неподалеку от родилки, стоит такой мяконецкий, удобненький диванчик... У этого дивана что хорошо? Сколько ни лежишь, шею не ломит. Долго не заспимся, конечно, скоро у Москвитинной начнется.

С этой мыслью я крепко уснула – чтобы вскоре проснуться для самого жуткого и необъяснимого кошмара, какой только можно вообразить.

8 января 1793 года. Из дневника Шарлотты Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо

О боже... О боже мой... Мне кажется, на меня обрушился какой-то камнепад событий! Такое, помнится, случилось года два назад, когда я поехала верхом и внезапно начался дождь. Удивительнее всего, что до этого больше месяца с небес не упало ни капли, земля вся иссохла. И в тот день утро началось безоблачное, а потом вдруг заволгло небо – и полило! Я направила коня (тогда у меня был Феб, рыжий, солнечный красавец Феб!) под скалу, на которых прилепилось несколько кустиков. Этот выступ отлично защищал от дождя, земля под ним была сухая. Но дождь не собирался утихать, нам с Фебом было уже тесно под выступом, водяные струи хлестали со всех сторон, мы совсем вжались в скалу – и вдруг на нас просыпалось несколько мелких камушков. Феб заволновался, попытался выскочить из-под скалы, но я, глупая, старалась его осадить, а между тем камушки все резвее ползли по стенам и несколько побольше и поувесистее ударили мне в шляпу и в холку Феба.

Как он перепугался! Как взвился на дыбы! Право, могу сказать не хвастая, что считаюсь отличной наездницей, однако даже мне с превеликим трудом удалось удержаться в седле.

Феб словно с ума сошел. Не слыша моих окриков и словно не чуя, как натягиваются поводья, он понес меня прочь. «Неужели взбесился?!» – успела ужаснуться я. В это мгновение раздался дробный грохот и, обернувшись, я поняла, что если даже мой конь взбесился, то сделал он это очень даже своевременно. Потому что там, за моей спиной, уже не было козырька скалы, под которым мы только что прятались. По склону с вершины катились немалые камни, настоящие булыжники, и один из них, падая, только что раздробил вдребезги наш спасительный выступ. Если бы не Феб... Если бы он не забеспокоился и не помчал прочь...

Потом, когда я сообщила Роберу, старшему конюху, об этом случае, он даже покачнулся от ужаса и какое-то время не мог ни слова вымолвить. Но потом обрел дар речи и рассказал, что еще примерно два года назад, когда коня проезжал молодой грум, Феб уже попал однажды под такой же внезапный камнепад и был даже ранен в холку. Наверное, ему запомнился тот

случай. Я удивилась, почему раньше ничего не слышала об этом, но Робер сказал, что мы с отцом путешествовали в то время по Италии, а когда вернулись, ранка Феба уже зажила и была не видна под густой гривой.

Я мгновенно вспомнила ту нашу чудесную поездку. Это было в 1789 году. Рим, Венеция, Флоренция, сказочная, вечно цветущая Флоренция... Мы вернулись во Францию в конце июля – и не узнали Парижа! Бастилии больше нет, на улицах орут опьяневшие от какой-то выдуманной свободы простолюдины, а мой брат, наследный граф Луи-Мишель Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо, отрекается от своего рода, от своего сословия и становится позором семьи.

Боже ты мой, ну что я пишу, зачем? Ведь в моих дневниках двухгодичной давности уже есть запись о том камнепаде, о странном поведении Феба... Если я достану старые тетрадки, то найду подробнейшее описание того пугающего события. О, понимаю. Я просто тяну время, чтобы, вспоминая прошлое, не писать о настоящем! Да... тогда меня вынес из-под падающих камней Феб. Но кто спасет меня теперь от того града ударов, который обрушивается не на мои голову и плечи, а на мою жизнь?!

Вчера я узнала, что лишилась брата. Мы все не сомневались, что тело Луи-Мишеля привезут в родовое гнездо и здесь похоронят в семейном склепе (каков бы он ни был, он все же Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо!), однако его друзья-мятежники, революционеры, решили, что это слишком большая честь для старого замка.

Я бы поехала в Париж. Я бы забыла все, кроме того, что Луи-Мишель – мой брат. Но... но его – с подобающими почестями, как жертву проклятых аристо! – погребут его новые друзья. Он получит воинские почести и будет возлежать в Пантеоне! Его дочь Луизу-Сюзанну Лепелетье решено взять под опеку Конвента. И это при живой матери, при живых родственниках!

И я пока ничем не могу этому воспрепятствовать. В ближайшие дни я буду занята другими похоронами. Мой отец не вынес случившегося. Он умер – умер вслед за своим старшим и некогда самым любимым сыном.

Неведомо, что именно стало непосредственной причиной этой смерти: то ли убийство самого Луи-Мишеля, то ли его соучастие в убийстве нашего короля.

От второго курьера, того, что привез известие о предстоящем погребении Луи-Мишеля в Пантеоне, стали известны новые подробности и голосования в Конвенте, и того, что произошло затем в ресторанчике Феврье в Пале-Рояле.

Конвент на время превратился в театральные подмостки. Голосование! Демократия! Насмешка! Это было голосование *appel nominal*⁶. Все – беспощадные и жалостливые, сомневающиеся и уверенные – должны отвечать на вопрос: жить королю или умереть – публично, под прицелом сотен пар глаз. А между тем подруги Теруань де Мерикур, все эти торговки рыбой, распространявшие вокруг себя мерзкий запах тухлятины, и все эти непотребные женщины разгуливали там и сям, по трибунам и коридорам, с засученными рукавами и подоткнутыми подолами. Они были вооружены саблями, пиками и палками. Зная, что заседание может затянуться, они принесли с собой еду и вино. Пожирая колбасу и запивая ее стаканами вина, с жирными губами и осоловелыми глазами, они тянули свои ручищи с грязными когтями к ненадежным депутатам и угрожающе шипели:

– Или его голова, или твоя!

Что и говорить, присутствие этих фурий, этих ламий Чудовища античной мифологии – олицетворения мести и кровожадности, напугало колеблющихся депутатов. И все же, когда они восходят поочередно на трибуну, звучит не только роковое слово «Смерть». Некоторые требуют пожизненного заключения. Многие говорят: «Изгнание; все что угодно, только не смертная казнь!» Многие снова и снова просят узнать мнение народа, просят отсрочки...

⁶ Вызов по именам (лат.).

Робеспьер, конечно, голосует за смерть. Сийейс тоже. И Филипп Эгалите⁷ спокойно обрекает на смерть своего кузена. Говорят, даже патриоты при этом роковом слове, произнесенном им: «La mort!» – покачали головами! Ну и, конечно, член Конвента Лепелетье тоже провозглашает: «Я голосую за смерть тирана!» В итоге короля приговорили к смертной казни с перевесом... в один голос.

Чей именно это был голос, интересно знать? Брата короля? Или моего брата?

Так или иначе, видимо, Луи-Мишель был очень доволен исходом дела. Как только председатель суда Верньо неожиданно скорбным голосом произнес: «Заявляю от имени Конвента, что наказание, к которому присужден Луи Капет, – смерть!» – и подружки Тербуан де Мерикур радостно завопили, а с галерей, где сидели любовницы д'Орлеана-Эгалите, донеслись шумные рукоплескания, Луи-Мишель вышел из зала, снял шапочку члена Конвента, обтер потный лоб и торопливо зашагал вдоль ограды Тюильри, спеша в Пале-Рояль. По улицам клубилась толпа, не зная, что сквозь нее пробирается человек, чье слово, быть может, определило участь короля Франции...

Как он шел? Гордо распрямив плечи? Или стыдливо сторбившись? Но, так или иначе, вскоре, через десяток минут, он появился там, куда так стремился: в галерею Валуа любимого сада Филиппа Эгалите и ночных проституток – Пале-Рояля. Там, в подвальчике ресторана Феврье, было его привычное место для обедов. Ему вдруг очень захотелось есть!

Было пять часов вечера. Луи-Мишель пообедал и уже расплачивался, когда к нему подошел какой-то человек. Свидетели происшедшего описывали его потом черноволосым коренастым мужчиной с выбритым до синевы подбородком. Одет мужчина был в длиннополый камзол. Ресторатор Феврье и присутствующие вспомнили, что он тоже был некогда одним из завсегдатаев подвальчика: бывший королевский гвардеец по имени Пари. Странно, что его имя созвучно имени столицы Франции. Какое глубокое, какое роковое совпадение! Словно бы сам город, измученный и опозоренный, залитый кровью, отрядил этого человека с его страшной миссией в галерею Пале-Рояля!

– Вы Лепелетье де Фор? – спросил Пари.

– Да, – ответил Луи-Мишель, рассеянно отсчитывая чаевые слуге.

– Вы голосовали по делу короля?

– Я подал голос за его смерть, – ответил мой брат.

– Злодей, так вот же тебе! – крикнул Пари и, выхватив саблю из-под камзола, вонзил ее в бок Луи-Мишеля.

Феврье попытался схватить Пари, однако тот вырвался и убежал. Задержать его не удалось. По его следам послана погоня, однако он скрывается.

Найдут ли? Молюсь, чтобы его не нашли...

Брат мой мучился от раны еще почти сутки и скончался на другой день, в час пополудни. Теперь он – «павший герой восставшего народа» и что-то еще в этом роде. Но мой несчастный отец, который испустил последний вздох этой ночью, перед смертью заклинал меня сделать все, что в моих силах, дабы хоть как-то «скрыть позор нашей семьи». Это его слова. Он наказывал передать его последнюю волю моему младшему брату Максимилиану – теперь он наследник титула, имени и состояния, теперь он граф Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо. Максимилиан еще совсем мальчик, ему всего пятнадцать, он сейчас отправился навестить своего любимого старого конюха Робера (который больше не служит у нас, а уехал к дочери-вдове, в деревушку Мулян-он-Тоннеруа, далеко, за много лье от Сан-Фаржо), – и, конечно, еще не слышал ни о случившемся в Париже, ни о своем новом положении, ни о том, чего потребовал от нас в последние минуты жизни отец.

А понимал ли он, чего требует? И как отнесутся к этому жена и дочь моего брата?..

⁷ Э г а л и т е – по-французски «равенство». Прозвище герцога Орлеанского, безоговорочно принявшего революцию.

Наши дни, Дзержинск. Василий Каширин

Раздался такой вопль, что Василию показалось, будто у него сейчас, сию минуту разорвутся барабанные перепонки. Или даже уже разорвались. Вместе с этим начало резко саднить горло, и спустя какое-то мгновение Василий понял, что он не только слышал крик, но и сам кричал.

И не он один! Кричала длинноногая докторша, кричала откуда ни возьмись появившаяся худенькая девушка в бледно-зеленой мятой курточке и таких же брюках – наверное, медсестра или акушерка, – кричал седой мужчина с руками молотбойца, одетый тоже в бледно-зеленое и мятое... Да и цыганка продолжала кричать истошным голосом, билась, корчилась, ворочая вокруг бессмысленными, поблекшими от боли глазами.

Молчал только Москвитин. Молчал, поднявшись с колен и выпрямившись, держа в одной руке свой зловещий нож, а во второй – ворох каких-то ремней с привязанной к ним черной плоской коробкой.

У Василия постепенно отошла мгла от глаз, и он вяло удивился, что с ножа не каплет кровь. А ведь Москвитин зарезал, зарезал цыганку! Василий сам видел!

Прошло не меньше минуты, прежде чем до него дошло: он, оказывается, видел, как Москвитин не зарезал цыганку, а всего лишь что-то срезал с ее бедер – что-то, прежде прикрытое ворохом линялых разноцветных юбок. Неужели эти ремни?

– Выйдите все, – вдруг гаркнул Москвитин, словно дожидался мгновения, когда все оторутся и настанет наконец тишина. – Выйдите вон! Быстро! Ну! У меня тут взрывное устройство, неужели не соображаете?

Василия резко качнуло назад, он выпустил плечи цыганки, и голова ее с громким стуком упала на пол. Его пробрало ледяным потом.

– Да вы что? – страшным шепотом даже не сказала, а возмущенно просвистела доктор Макарова. – Она же рожает! Вы что, спятили?!

Василий не поверил ушам. Такое впечатление, что она ничуть не испугалась слов Москвитина. Такое впечатление, что она их даже не слышала!

Ему стало стыдно. Быстренько снова схватил цыганку за плечи, а под колени ее взял седой мужик, хотя с его-то бицепсами он вполне мог и один унести женщину, даже и с таким огромнейшим животом.

– А ну, посторонись! – гаркнул он, отпихивая Москвитина, который все еще тряс своими ремнями. – Слышишь, как тебя там, – напряженный, деловитый взгляд адресовался уже Василию, – а ну, давай на счет «три». Подняли и понесли в ту комнату, на топчан. Готов? Ну-ка – раз, два, три!

Господи... Какая же она оказалась тяжеленная! Да еще бьется, мечется. С трудом дошли до топчана, который оказался где-то в другой части света, и осторожно (докторша беспрестанно жужжала в ухо: «Тише! Осторожнее! Бережней!») опустить цыганку на выцветшую оранжевую клеенку.

Как только цыганка оказалась на топчане, она завопила еще громче. Валентина Николаевна вытолкала Василия за порог и захлопнула дверь.

Муть в глазах постепенно расходилась – теперь Василию даже неловко было, что он мог так сильно испугаться, – и он увидел Москвитина, который, держа на отлете левую руку с болтающимися в ней ремнями, другой сжимал рацию и горячо говорил:

– Специалиста пришлите, скорей, а то хрен его знает, вдруг сейчас рванет! Да взрывное устройство, я тебе говорю, я ж не слепой, это бомба! Скорей, ребята!

Взрывное устройство?!

Василий не успел осмыслить эту невероятную вещь, потому что в эту минуту Москвитин наставил на него пистолет.

– Руки! – крикнул прапорщик. – И лицом к стене! Ну!

– С ума сошел? – растерянно спросил Василий, чувствуя, как губы сами собой разъезжаются в глуповатую улыбку. – Ты меня ни с кем не перепутал?

Москвитин, не сводя с него ствола, попятился, замер и осторожно перегнулся влево. Связка ремней и эта черная штуковина легли на пол. Москвитин отпрыгнул еще ближе к двери, наткнулся на стену около нее, привалился к стене спиной и левой рукой снова вырвал из кармана рацию.

– Ребята, скорей! – выкрикнул он. – Одного я на прицеле держу!

Губы у Василия продолжали разъезжаться в улыбке.

Хотя улыбаться было совершенно нечему...

Если Москвитин и в самом деле снял с цыганки взрывное устройство, значит, это была не цыганка, а террористка. И это он, Василий Каширин, привез террористку в роддом!

А вдруг эта штука в любую минуту рванет? Надо ее быстренько хватать и бежать подальше от роддома! Неужели Москвитин не понимает, что если рванет – тут никого живого не останется, и что его жена и еще не родившееся дитя тоже подвергаются страшной опасности?

Надо ему сказать, но станет ли он слушать Василия? Не выстрелит ли чуть раньше – он же не в себе, бедолага-прапорщик, который попал явно в нештатную ситуацию?

А если оно радиоуправляемое, это устройство? Если цыганка – какая, к черту, цыганка?! – была не одна? Если у нее имелся какой-то сообщник, который и привел ее к посту ГИБДД, где гуманный сержант Эдуард Кондратьев...

Следующие три события произошли одновременно – ну, может быть, с каким-то временным зазором, но зазор этот был настолько несущественным, что его можно не считать.

Сначала стихли крики цыганки. Потом дверь в приемный покой приоткрылась и высунулась доктор Макарова. Она посмотрела на Василия и сказала с каким-то недоумевающим выражением:

– Умерла. Болевой шок. И ребенок тоже...

И вот в это самое мгновение произошло третье событие. Распахнулась дверь с улицы – причем настолько широко и сильно, что Москвитин оказался загорожен ею. И напротив Василия возник в проеме двери сержант Кондратьев.

Василий решил, что ему снова призраки мерещатся, потому что Кондратьев-то это был Кондратьев, но все же он оказался сейчас какой-то другой... Исчезло миролюбивое, любезное выражение, худое лицо еще больше усохло, как бы даже заострилось, и взгляд прежде дружеских глаз был теперь остер, словно бритва. И в его руке... в его руке тоже был пистолет! Совершенно так же, как минуту назад – москвитинский, он смотрел в лицо Василия!

...Что-то Василий успел все же понять, потому что он качнулся в сторону – и одним движением захлопнул дверь в приемный покой, прикрыв ею стоящую на пороге докторшу.

И это было его последнее осознанное движение в жизни, потому что в следующее мгновение перед глазами Василия блеснул сгусток огня, а потом в грудь вонзилось раскаленное острое и пригвоздило его к стене.

Миг, ну, два он еще пытался справиться с болью и даже успел увидеть, как Москвитин с силой отмахнул железную створку, которой был прикрыт, в обратную сторону, и Кондратьева ударило этой дверью столь сильно, что вышвырнуло на крыльцо.

Василий увидел глаза Москвитина – безумные, расширенные, изумленные – и выдохнул, чувствуя необходимость хоть как-то оправдаться:

– Это он меня остановил... на повороте... посадил ко мне... они, значит, вместе...

В горле у него забулькало, стало тесно и горячо, и больше Василий уже никому, ничего и никогда не смог бы сказать.

Из раздела «Происшествия» газеты «Губернские ведомости»

По сведениям нашего источника в пресс-службе Нижегородского областного УВД, минувшей ночью была предотвращена попытка совершения террористического акта в одной из больниц города Дзержинска. Пациентов и персонал спасло то, что у приводящего в действие механизма бомбы сначала «залипла» пружина, а затем взрывное устройство было у террористки изъято сотрудником полиции.

Итак, наша область по чистой случайности не прибавилась к печальному списку мест, где шахидам удалось бы воплотить в жизнь свои кровавые планы. Террористка-смертница, личность которой еще не установлена спецслужбами, погибла. Кроме того, имеется еще одна случайная жертва.

Сообщнику террористки удалось скрыться. Как утверждает наш источник, есть основания предполагать, что попытка совершения теракта находится в связи с убийством сотрудников полиции на посту ГАИ на автотрассе Москва – Нижний Новгород.

Ведется расследование происшедшего, в области объявлен план-перехват.

***Продолжение записи от 15 сентября 1919 года,
Петроград. Из дневника Татьяны Лазаревой***

О господи, нет ничего страшнее и безнадежней, чем рыдать по невозвратному. О чем бишь я писала? Ах да, о вечере поэзии!

Я была безмерно изумлена, когда признала милую футуристку с улыбкой-цветком в милой супруге полковника Борисоглебского, с которой встретилась в предварилке.

Она замечала, что я поглядываю на нее с доброжелательным вниманием, и всегда особенно приветливо улыбалась мне, и в прошлую пятницу вдруг сказала – доверчиво, словно младшая сестра – старшей:

– Знаете, Татьяна Сергеевна (к слову сказать, мы, постоянные посетительницы, уже немного знакомы между собой), в прошлую пятницу мой муж смог подойти так близко к окошку передач, что я исхитрилась протянуть ему руку, и он поцеловал мои пальцы и даже проговорил несколько слов. Ах, кабы сегодня удалось мне улучшить мгновение шепнуть Алешеньке, что дело его почти закончено, что он скоро будет дома!

– Откуда вы знаете, Анастасия Николаевна? – не сдержала удивления я.

Ее розовый рот вновь расцветает чудной улыбкой:

– Мне сказали. Мне обещали наверняка. Теперь свобода моего мужа – вопрос нескольких дней!

Я улыбаюсь в ответ на ее откровенную радость, но смотрю с недоумением. Кто мог сказать такое?.. Неужели этой очаровательной девочке удалось попасть на прием к одному из двух самых страшных людей Петроградской чеки, которые ведают судьбами заключенных: к Озолину или Рончевскому? Причем из них двоих, как говорят, Озолин более человечен. Если он ведет дело, еще есть надежда переломить его ход. От Рончевского же не вырвешься... Наверное, дело Борисоглебского у Озолина. Ну что ж, дал бы Бог, дал бы Бог...

У Анастасии Николаевны такое чудесное настроение, что мы даже немножко отвлекаемся от реальности и болтаем о прошлом. Я напоминаю ей тот литературный вечер у княгини Юсуповой, описываю разноцветное платье, и Анастасия Николаевна смеется:

– Это оттого, что в ту пору меня звали Коломбиной. Потому и платье разноцветное. У нас, у поэтов, тогда непременно надо было зваться Коломбинами, Пьереттами да Арлекинами. Ужас, да?

И она заливисто хохочет, вспоминая о прошлом, хотя ужас – вот он, рядом с нами, вокруг нас, ужас – это наше настоящее, я уж не говорю о будущем...

– А как называли вашу подругу, помните, с перьями и в рыболовной сети? – спрашиваю я, умалчивая, разумеется, о других приметах сей экстравагантной особы.

Лицо Анастасии Николаевны словно освещается изнутри:

– Оленьку? Ее называли Арлезианкой. Очень красиво, верно? Если не ошибаюсь, это какое-то цыганское племя... Впрочем, не помню. Хотя у нее и литературный псевдоним был прелестный: Елена Феррари. Она под псевдонимом была у нас в группе, ее настоящее имя я узнала вот только что, на днях.

– Как? – изумляюсь я. – Вы до сих пор дружите?

– Нет, мы прежде вовсе не дружили и даже не встречались все это время, однако буквально два дня тому назад она вдруг...

Договорить не удастся: Анастасия Николаевна видит в окошко своего мужа, и более ничто для нее не существует!

Это было в прошлую пятницу. А нынче...

Нынче моей милой футуристки у окошка не оказалось. Разумеется, я подумала, что ее надежды сбылись, и Борисоглебский отпущен на свободу. Не стану скрывать: я надеялась, что Костя через него сможет передать мне весточку. Наверное, не удалось. В любом случае, нынче же пойду к Борисоглебским! Анастасия Николаевна, помнится, обмолвилась, что они живут на углу Сергиевской и Заиконоспасской улиц, в двухэтажном доме. Непременно отыщу полковника и все-все выпрошу о Косте!

С этими мыслями я подхожу к вывешенным на стене спискам. Это страшные списки! С трепетом приближаются к ним завсегдатаи приемной предварилки! Через них чека извещает нас об участии наших близких. Как правило, напротив фамилии либо ничего не написано (значит, это лицо по-прежнему находится в тюремной камере); либо – «отпущен», но это великая редкость (за все время моих хождений в предварилку я видела такую подпись только дважды); либо... либо – «сообщат на квартиру». Это страшно. Это конец... Это означает – человек расстрелян, но самого слова «расстрел» нигде не пишут – только в приговорах, которые хранятся в подвалах чеки. На квартиру никто ничего никому не сообщает, потому что сообщать больше нечего. В «милосердной» чеке, такое впечатление, служат не отъявленные головорезы, а кисейные барышни, которые морщат носики при виде той крови, которую проливают собственными же руками!

Итак, я подхожу к спискам и с сердечным замиранием веду глазами по фамилиям. Никогда не подозревала, что Лазаревых так много на свете! В одной Предварилке их заключено четверо. Нет, месяц назад их стало трое, и надпись «Сообщат на квартиру» против фамилии «Лазарев С.К.» едва не свела в могилу меня саму. Ведь в первое мгновение я решила, что буквы просто перепутали, что там написано Лазарев К. С., то есть мой Костя!.. Нынче Лазарев К. С. и двое его однофамильцев значатся с прочерками, что само по себе хорошо. Ей-богу, лучше не иметь никаких известий, чем получить печальные новости! Со вздохом бросаю на список последний взгляд – и столбенею.

«Борисоглебский А.В., полковник, – читаю я. – Сообщат на квартиру».

Борисоглебский А. В.! Алешенька, называла его жена... Господи помилуй! Расстреляли! А как же обещание освободить?! Она, несчастная, так надеялась! Так ждала!

Лицо Анастасии Николаевны представляется мне – и я ничего не могу поделать с собой, стою перед этим ужасным списком и заливаюсь горячими слезами, хотя обычно стараюсь сдерживаться, чтобы не распотешить барышню, сидящую за окошком выдачи разрешений на передачу.

У нее пухлощекая мордашка, высоко взбитые кудряшки и накрашенные губки. Какая-нибудь содком, наверное. Так теперь называют содержанок комиссаров. К ним идут даже и

приличные девушки: есть-то надо! Однако эта, раскрашенная, никогда в жизни не была приличной!

Кое-как дожидаясь назначенного времени, чтобы просунуть в окошко свою жалкую торбочку с пшенной кашей для Кости, – и снова начинаю всхлипывать, когда вспоминаю, что убит человек, который заботился о том, чтобы у всех заключенных была еда. О моем Косте заботился...

Я хотела идти к Борисоглебским, чтобы узнать о брате? Теперь узнавать не у кого, но я все равно пойду к Анастасии Николаевне. Сердце разрывается, когда думаю о ней. Ох, ну зачем, зачем тот человек обнадежил ее, посулил свободу мужу, посулил жизнь?! Лучше б не обещал, коли не был уверен!

Бреду пешком на Сергиевскую, угол Заиконоспасской. Трамваи, ввинтиться в которые мне изредка удастся, сегодня отчего-то не ходят. А впрочем, нынче у меня нет настроения толкаться в пошлой толпе! Иду, не в силах радоваться теплему ветру и проблескам солнца меж серых и серых туч. Все мысли о бедной Анастасии Николаевне.

Какой я увижу ее? Смогу ли утешить?..

Я так задумалась, что едва не попала под автомобиль, под черный, роскошный «Кадиллак» с клаксоном, который протрубил «матчиш»⁸ над самым моим ухом. За рулем матрос. Я шарахнулась, успев заметить фигуру на заднем сиденье: миниатюрная женщина в черной кожанке. Гладко причесанные черные волосы, напряженный взгляд из-под густых ресниц... Тоже содком? А может, она и сама комиссарша? В кожаных куртках абы кто не ходит!

Только тут вижу, что, оказывается, я уже стою около нужного мне дома. С замиранием сердца дергаю за цепочку звонка...

На звонок открывает седая дама. Лицо ее в красных пятнах от слез.

Приглашает войти в небольшую уютную прихожую.

– Аси нет, – с трудом выговаривает она. – Думаю, что ее нет в живых.

Я прислоняюсь к стенке: ноги подкашиваются от этих простых слов.

– Я ее тетушка, – тихо говорит дама. – Вела у них с Алексеем Владимировичем хозяйство. В среду Асе стало известно, что ее муж расстрелян, хотя до этого... – Она смотрит на меня растерянно, словно решает: говорить или нет? – До этого бедная девочка была полна надежд... ее уверили, пообещали...

– Кто? – спрашиваю я, однако этот вопрос дама предпочитает не услышать:

– В среду, говорю, стало известно, что Алексей Владимирович убит, и она тотчас ушла. С тех пор ее нет. Ася никогда не говорила о самоубийстве, но я знала, знала, что она не переживет смерти Алешеньки!

– Оставила ли она записку? – спрашиваю я.

– Буквально два слова: не ждите и не ищите меня, – шепчет дама.

– Но можно же узнать наверняка... – бормочу я, сама понимая, что горожу чушь. О самоубийцах не пишут в советских газетах. В советском раю не может быть самоубийств!

– Но вы пытались искать? – настаиваю я. – Вдруг она ушла к друзьям, к знакомым...

– У нее никого нет, она оставила только записку для брата, вот и все. А он уехал, придется ждать, пока вернется. Господи, как хорошо, что хотя бы вы пришли, а то мне даже поговорить об этом ужасе не с кем!

Да, говорить нам больше не о чем. Тихо прощаюсь, оставив свой адрес и взяв перед уходом с седовласой дамы обещание непременно сообщить мне, если Анастасия Николаевна все же воротится или подаст о себе весть. Обе мы прекрасно понимаем, что ей не придется исполнять это обещание, но все же уговариваемся. А вдруг?..

⁸ Название мелодии, которую издавали сигнальные рожки – клаксоны – автомобилей начала XX века.

Вдруг! Какое прекрасное, обещающее, лживое слово!

Наконец я ухожу. Дама выходит проводить меня на крыльцо и вдруг отшатывается при виде черного «Кадиллака», пронесшегося мимо. На лице ее нескрываемый ужас. Она кидается обратно в прихожую и захлопывает за собой дверь.

Странно, думаю я. А ведь это тот же самый «Кадиллак», который я уже видела несколько минут назад. Та же нестигаемая фигура матроса-шофера у руля, та же миниатюрная комиссарша, полулежащая на заднем сиденье...

Ловлю ее темный взгляд, и удивительное ощущение пронзает меня. Где-то я уже видела эти черные мрачные глаза...

И тотчас вспоминаю, где. Комиссарша похожа на футуристку с крашеными сосками под рыболовной сетью!

Но что ей нужно в доме полковника, убитого в чеке, и его жены, которая покончила с собой от непомерного горя? Приезжала выразить сочувствие бывшей приятельнице?

Стоп, стоп... А не она ли посулила Анастасии Николаевне спасти ее мужа, а потом не исполнила обещание?

Не смогла? Не захотела? Да и вообще: это она? Или не она? Елена, как ее там?.. Елена Феррари! Арлезианка!

Наши дни. Валентина Макарова

Остаток той страшной ночи прошел в непрерывных допросах. Допрашивали меня, Виталия Ивановича, акушерку, дежурных сестер, санитарок, и этот кошмар непрерывно длился до восьми утра, когда началась «пятиминутка» с новой сменой. Я кое-как, дрожащим голосом, то и дело сбиваясь, стала докладывать о состоянии всех пяти младенцев, которых мы родили за истекшие сутки. На нас на всех, дежурных, коллеги взирали как на чудом вернувшихся с полпути на тот свет, и один из приемных покоев – тот самый! – был еще закрыт, потому что люди, которые теперь распоряжались в нашей больнице, только сейчас разрешили санитаркам смыть кровь со стен и пола, а полночи фотографировали, снимали эти кровоподтеки на видео, измеряли что-то, хотя что еще можно измерить? Был человек – и погиб...

Короче, идет себе «пятиминутка», и вдруг меня словно по голове – по моей измученной, вторую ночь подряд не спавшей голове! – ударяет: мать божья, да ведь у меня сегодня в 13:00 самолет! Я ж с сегодняшнего дня в отпуске! А у меня еще вещи практически не собраны, а в аэропорту надо быть не позднее 12, ведь билет еще не выкуплен! Кроме того, аэропорт в Нижнем, а я, как известно, в Дзержинске. Вдобавок, на его окраине. И мой дом, где разбросаны эти самые вещи, которые надо собрать, – на противоположном от роддома конце нашего пусть и не самого большого, но и не самого маленького города...

Голова от этого открытия у меня начинает болеть так, что на какое-то мгновение я почти теряю сознание.

«Пятиминутка» как раз кончается. Главный говорит:

– Ребята, кто с дежурства, я понимаю, что вы с ног валитесь, но вас просили еще задержаться.

Мы не спрашиваем, кто именно просил. Мы и так понимаем, что песенка свободной жизни для нас спета очень надолго. Теперь нас будут швырять от одного следователя к другому, и каждый будет смотреть точно так же недоверчиво, как уже смотрели эти, терзавшие нас ночью, и больше всех будут мучить нас с Москвитиным, потому что мы – хотя бы мельком, хотя бы краем глаза! – видели убийцу и, как я теперь понимаю, пособника цыганки-террористки!

Что-то хлещет меня по лицу наотмашь. Мир в моих затуманенных глазах проясняется, и я вижу, что стою почему-то в не кабинете главного, где проходила «летучка», а посреди каких-то кустов. То есть меня хлестнула ветка. Еще несколько мгновений мне требуется, чтобы

осознать: это не какие-то кусты, а свои, можно сказать, родные, потому что находятся они на задворках нашей больнички, позади кочегарки, позади куч угля, и среди этих кустов пролегает обходная дорога к автотрассе.

Минуточку. Как я сюда попала?

Опускаю глаза и вижу, что на мне мой белый халат, который я так и не сняла после летучки. То есть я как бы вышла погулять, подышать воздухом? Но почему на моем плече болтается сумка? Почему я стою в кустах, чуть пригнувшись, и выглядываю из них так осторожно, словно боюсь, как бы меня не заметили, не поймали и не привели обратно?

И я понимаю, что так оно и есть. Я на самом деле этого боюсь. Я боюсь, что мне не удастся сегодня улететь в Париж. И в ближайшем обозримом будущем тоже не удастся. Может быть, никогда.

Я видела убийцу. Нет, я никому не сказала об этом, но факт есть факт. О господи, да ведь я не помню, я не помню о нем ничего, кроме того, что он был в полицейской форме и у него бритвенные лезвия вместо глаз!

Я его видела. Москвитин – тоже, но Москвитину защитить себя проще, чем мне. У меня никого нет. Я никому не нужна. Я – легкая добыча.

Видимо, этот страх перед новой встречей с убийцей был так силен, что под его влиянием я действовала практически в полубеспамятстве, на сущем автопилоте, да еще на инстинкте самосохранения. Я вышла с деловитым видом из больницы – меня никто не задержал, наверное, потому, что я была в халате, ну мало ли куда может идти доктор? – и теперь стою в кустах, от которых рукой подать до проходных дворов, которыми я через две минуты доберусь до маршрутки. Полчаса ехать до дому. Полчаса на сборы. Полчаса добираться до вокзала. Час на электричке. Час до аэропорта. Я еще могу впритык, в последнюю минуту, успеть на самолет и улететь сегодня же в Париж!

Что будет потом, когда я вернусь? О господи, я не стану думать об этом сейчас. Я подумаю об этом завтра... В конце концов, я, может быть, вообще не вернусь!

Автопилот и инстинкт самосохранения продолжают руководить мною – до самого аэропорта, в двери которого я врываюсь с совершенно безумным видом в двенадцать часов ноль пять минут, волоча за собой чемодан и сумку, кое-как набитые, кое-как застегнутые. Вваливаюсь за стеклянную перегородку, где находится офис «Люфтганзы», и под ласково-укоризненные причитания двух барышень в сине-желтых люфтганзовских косыночках получаю свой билет. Мне поспешно объясняют, как вести себя в аэропорту Франкфурта, сообщают, что у меня часовой перерыв между рейсами, так что там надо будет быстренько искать gate A-54, откуда я полечу в Париж. Я вспоминаю, что gate по-английски – ворота, и таращусь на девиц в изумлении. Огромные деревянные ворота представляются мне... Деревянные ворота в самом большом аэропорту Европы?!

Но уже некогда, некогда предаваться этим сюрреалистическим бредням – давно объявили посадку, а я еще не прошла регистрацию.

Мой неряшливо уложенный чемодан благополучно проезжает мимо таможенника, а вот сумка застревает в «телевизоре».

– Слушайте, у вас там крокодил?! – хихикает таможенник, весело глядя на свой экран. – Или мне чудится?

Нет, не чудится. Это крокодил-ксилофон, одновременно каталка на колесиках, которую можно таскать за веревочку. И если нажать на кнопочку у него на брюхе, то глаза у него загораются, начинают мигать, да еще и музыка играет. Дело в том, что у Николь Брюн, вернее, Понизовской, которая ищет – и даже уже нашла! – мне французских женихов, в октябре прошлого года родилась дочка. Зовут ее совершенно сказочным именем – Шанталь, и вот этой Шанталь предназначен в подарок крокодил дивной красоты. Думаю, с подарком осечки не будет. Точно

такой же крокодил был у моей Лельки, и дочка так его любила, что сначала бесконечно терла десны (зубки резались, а десны при этом чешутся) палочкой, которой надобно стучать по ксилофону, а потом дошла очередь и до крокодила: она с ним даже спала, она его на прогулки таскала и рыдала, когда пришла пора идти в садик, и она взяла с собой крокодила, и другие дети тоже им пленились и клянчили его у Лельки... Словом, это был, как выражается моя мама, «первый человек, с которым она разговаривала».

Хорошо, что есть вечные ценности. Такие, как этот крокодил. Если он был хорош для моей Лельки, то наверняка понравится и француженке Шанталь!

Наконец таможенник пропускает меня дальше, чемодан уезжает по транспортеру в багаж, мне ставят штамп в паспорт в будочке пограничного контроля, а потом, в числе пяти других опоздавших пассажиров, не томя ни минуты лишней в «накопителе», везут в пустом автобусе к самолету.

Стюардесса – настоящая немка с кукольным жестким личиком! – делает своим тонкогубым ротиком улыбку и быстренько рассовывает нас на свободные места. Мое законное, 25 С, как я понимаю, где-то в хвосте, но тащиться туда нет никакой охоты, потому что народу в самолете мало, и я оказываюсь одна на своем ряду. Редкостная удача! Едва дождавшись, когда мы взлетим и погаснут табло с перечеркнутой сигаретой и застегнутыми ремнями, я устраиваюсь на всех трех креслах и засыпаю крепким сном, и сплю до тех пор, пока та же стюардесса не расталкивает меня, ибо самолет готов идти на посадку в аэропорту Франкфурта.

Он огромен, этот аэропорт... он непредставимо велик и необъятен. Какие-то мгновения я чувствую себя сущей Красной Шапочкой, заблудившейся в дремучем лесу.

А впрочем, не так уж страшен этот лес! Стены пестрят табличками со стрелочками и выразительными надписями: А 20–40, А 41–57, В 10–30 и все такое в этом же роде. Смекаю, что, хоть «ворот» в другие города и страны здесь огромное количество, надо просто смотреть на цифры и следовать по стрелочкам.

Что я и делаю. Заодно прохожу паспортный контроль, о котором я совершенно забыла, – и, отойдя от стеклянных будок пограничников, оказываюсь около лифтовых кабинок. Вижу уже знакомые стрелочки, рядом цифру 3 – и понимаю, что путь в Париж лежит через третий этаж этого необъятного аэропорта.

Лифт открывается, там уже стоят двое или трое пассажиров, вхожу я, за мной еще какие-то люди, каждый нажимает нужную ему кнопку, дверцы закрываются – и в эту минуту раздаётся громкая мелодия. Как я понимаю, у кого-то из пассажиров звонит в кармане мобильник.

Странно – никто и ухом не ведет. А между тем мобильник просто-таки заливается: «Катится, катится голубой вагон...» Что?! Да ведь «Голубой вагон» звучит не в чьем-то кармане, а в моей сумке с подарками.

Это не мобильник поет – это поет мой крокодил!

Тот самый, который лежит у меня в сумке. Видимо, что-то случайно нажало кнопку на его брюхе, вот и заиграла музыка.

Я ошупью выключаю крокодила и сконфуженно оглядываюсь. Хорошо воспитанные европейцы делают вид, что ничего не произошло, и отводят глаза. И только один человек смотрит на меня как-то недоверчиво, словно бы в растерянности. Он высокого роста, худощав, довольно смугл, у него узкое лицо, узкие поджатые губы и темные глаза. Я его где-то видела раньше. Наверное, он летел в том же самолете, вот что. Типа соотечественник. Как бы земляк...

Я делаю попытку неловко улыбнуться – и в то же мгновение выражение растерянности тает в его глазах, они прищуриваются и делаются похожи на два бритвенных лезвия. Такое ощущение, что меня вот-вот полоснут по горлу...

Я цепенею. Я уже видела эти глаза! Я уже видела этого человека! Прошлой ночью – в нашем роддоме.

Не важно, что видела я его мельком. Не важно, что была ночь, что я едва держалась на ногах от усталости. Как сказано в каком-то романе, забыть глаза, которые смотрели на тебя поверх пистолетного дула, нельзя!

А эти глаза-бритвы смотрели на меня именно что поверх пистолетного дула. Потом из этого своего пистолета он застрелил Василия – и исчез. Скрылся. Убежал...

Вернее, улетел. Вместе со мной – во Франкфурт!

Боже мой! Но как он узнал, что лечу «Люфтганзой» в Париж?! Ведь я сама до последней минуты этого не предполагала!

В ту же секунду я понимаю, что ничего он не узнал. Он спасал свою шкуру так же, как и я. Он ринулся прочь из родимой стороны, убегая от преследования, ринулся куда глаза глядят и куда самолеты летят. А может быть, у него пути отхода были распланированы заранее? Да какая разница! То, что мы оба оказались во Франкфурте, – это безумное, жуткое, страшное, случайное, роковое, фатальное совпадение, на которые так горазда жизнь и которые кажутся совершенно надуманными и неестественными, когда читаешь о них в каком-нибудь детективе.

Так распорядилась Судьба – автор романа под названием «Жизнь». И теперь у несостоявшегося убийцы есть все шансы исправить ошибку, а у меня – заполнить пробелы в своем образовании. Например, кое-что узнать о мире ином...

Господи! Зачем я полетела «Люфтганзой»? Зачем я подобрала на площади ту бледно-красную бумажку? Зачем я спасла ворону?.. Все из-за нее!

Меня кто-то толкает. Лифт остановился! Люди выходят! Но ведь люди – мое спасение! Он не будет убивать меня на глазах у людей! Он загонит меня в какой-нибудь пустой угол, и тогда...

Я не дам загнать себя в пустой угол. Я ни на минуту не должна оставаться одна!

Я первой выскакиваю из лифта. Господи, где там мои стрелочки, мои буковки и цифирки? Лечу что было сил по коридору – точной копии того, откуда я только что прибыла, даже очередь в туалет совершенно такая же! – и вдруг вижу надпись: А-54.

Это стойка регистрации. «PARIS, 4940» значится на табло. Это номер моего рейса. Это место моего назначения. Вот он, вход (вернее, выход, спасительный выход!) в Париж!

Оглядываюсь – но бессмысленно искать в толпе моего преследователя. Он отнюдь не пытит за мной след в след, наставив на меня пистолет. Он затерялся среди людей, и на какой-то миг мне даже начинает казаться, что все это мне привиделось: бритвенные лезвия его глаз, мгновенное изумление на узком, сухом лице, которое враз сменилось жуткой радостью людоеда...

Это не сон. Это не сон, и то, что случилось прошлой ночью, случилось наяву.

Где он? Где мой преследователь, убийца? А может быть, он потерял мой след? Отстал?

Подбегаю к стойке, сую очередной люфтганзовской даме билет, проскакиваю контроль безопасности. На сей раз крокодил не вызывает никакого интереса, и слава богу. Скорей бы в спасительный «накопитель»!

– Куда мне идти? – спрашиваю на своем весьма условном английском.

– Присядьте здесь, – отвечает служительница (ее произношение не в пример лучше моего), обводя широким жестом несколько кресел, которые окружают стойку. В креслах уже сидят десятка два людей с сумками. Не сразу соображаю, что они тоже летят моим рейсом и ждут, когда начнется посадка.

Боже ты мой! В этой несчастной Европе даже «накопителя» нет! И если убийца и потерял меня на какие-то минуты, то очень быстро снова отыщет. Вот она я, собственной персоной, на виду! В панике озираюсь – и вижу чуть невдалеке от стойки дверку с той самой фигуркой, около которой нынче во Франкфурте такой нездоровый ажиотаж. И никакой очереди!

Вбегаю в туалет и запираюсь в кабинке. Сначала меня так колотит, что я едва не забываю воспользоваться ситуацией. А потом сижу в кабинке, затаюсь и дрожа: а если он ворвется в туалет и убьет меня здесь, на унитазах?

Позорно, ужасно!

Но обошлось: минут через пять объявили посадку на мой рейс. Пулей вылетаю из туалета – и бегом в самолет. Чуть ли не первая плюхаюсь на свое место и пристально оглядываю всех пассажиров, которые тоже намерены летать в Париж. Самолет небольшой, салон в нем один, поэтому никто не минует моего настороженного ока.

Время идет. Все сели, уже светятся сакраментальные табло с ремнями и сигаретками, стюардессы знакомят с правилами поведения в аварийной ситуации, командир корабля мурлычет не только по-немецки и по-английски, но и по-французски, и это действует на меня успокаивающе. Все нормально, все спокойно, его нет, его нет, его нет!

Значит, Судьба-автор решила, что два совпадения подряд за такой короткий промежуток времени – это слишком большая натяжка. Таким образом, у меня еще есть некоторое время пожить.

Стюардессы почти без передышки снуют туда-сюда с напитками: кофе, чай, вино, виски, пиво, минеральная вода, – а потом разносят пакеты с крошечными рогаликами и сэндвичами с мясом или сыром. Мне достаются рогалики, проглатываю их в одну секунду и жалею, что их так мало. Я ведь проспала обед и ужасно хочу есть! Но не станешь же просить добавку!

Ну, если я заговорила о добавке, то, стало быть, пациент скорее жив...

Кажется, я ускользнула от убийцы второй раз. Я лечу в Париж – и, может быть, по милости божьей больше никогда не увижу эти страшные глаза?..

***10 мая 1793 года, замок Сан-Фаржо в Бургундии, Франция.
Из дневника Шарлотты Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо***

Король... наш король казнен! Говорят, скоро настанет черед королевы, которая еще томится в тюрьме Консьержери... А недавно пришло известие, что бесстрашный мститель Пари, по пятам которого так и рыскали эти кровавые псы, революционеры, не вынес больше жизни льва, затравленного шакалами, – и застрелился в какой-то жалкой гостинице в провинции. Ну что ж, это поступок настоящего мужчины: он не позволил революционерам насладиться новым мерзким представлением, подобием того, кое они учинили, обвиняя французского короля во всех грехах, содеянных его предками. Да, Пари поступил как истинный дворянин... Но как все это попустил Господь?!

Во всей череде тяжких испытаний мелькнул только один светлый луч: удалось кое-что узнать о судьбе Луизы-Сюзанны, дочери Луи-Мишеля. Нам с Максимилианом, моим младшим братом и нынешним графом Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо, удалось передать ей исполненные любви письма, и мы даже получили ответ. С недетской серьезностью (впрочем, она и прежде казалась мне старше своих лет и этим напоминала меня, недаром же я всегда относилась к ней не как к племяннице, а как к родной дочери, хотя, наверное, это звучит смешно в устах старой девы – в моих устах!) девочка написала, что мечтает об одном: уехать из Парижа, расстаться со своими воспитателями (кажется, я уже писала, что Конвент взял на себя ее опеку), вернуться в Сан-Фаржо – и забыть, забыть все случившееся!

О, как бы мы все хотели никогда не вспоминать – а еще больше хотели бы, чтобы другие люди не вспоминали! – о том, как граф Луи-Мишель Лепелетье де Фор выкрикнул на весь зал Манежа:

– Я голосую за смерть тирана!

Увы, забыть об этом нам не удастся. Господь решил подвергнуть нас еще одному испытанию – самому, быть может, тяжелому: испытанию вечной памятью.

Мало того, что прах члена Конвента гражданина Лепелетье погребен в Пантеоне, где мраморная плита отныне и вовеки будет оповещать досужих прохожих о преступлении моего брата. Мало того, что увенчанный лавровым венком бюст его – со знаменитым, фамильным, горбатым, «римским» носом всех Лепелетье! – установлен теперь в Конvente, рядом с бюстом Брута, убийцы великого Цезаря. Само преступление Луи-Мишеля Лепелетье теперь запечатлено художником!

Знаменитым художником, имя которого – Жак-Луи Давид.

Я о нем много слышала раньше. Да и кто из образованных людей не слышал о внуке знаменитого Франсуа Буше? Этот внук презирал творения своего великого, блистательного, сентиментального, ироничного, искрометного деда, однако пользовался его поддержкой, деньгами, связями. Охаивая и огульно отрицая все, что написано Буше, он тем не менее с помощью деда сделался придворным живописцем старого короля Людовика XV.

Как-то раз я видела Давида. Некрасивый, маленький, с выбитыми в детстве передними зубами, он напоминал злобного, сварливого карлика! Однако в картинах своих он следовал классическим образцам.

Этнографические подробности Давид воспроизводил с бесподобной точностью. Колонны на его картинах непременно срисованы с натуры. Складки одеяний заложены совершенно так, как складки на мраморных одеждах римских статуй. И профили Горациев и мертвого Гектора совершенно таковы, как у Цезаря, Марка Аврелия или Тибулла! Он очень хорошо умел копировать, этот Давид.

Общество с ума сходило от его картин. На пике своей популярности он написал картину «Смерть Сократа»... и на долгое время это клише, «Смерть кого-нибудь», станет его излюбленной темой!

Когда монархия пала и на развалинах ее воцарилась республика, Давид по-прежнему остался первым живописцем страны. Заказы короля сменились заказами Конституционной ассамблеи. Он перестал быть королевским живописцем, а стал живописцем Конвента.

29 марта сего года Давид торжественно передал в дар Конвенту только что оконченную картину под названием «Смерть Лепелетье».

Граф Луи-Мишель Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо лежит полуобнаженным на высоко приподнятых подушках смертного ложа. Черты его спокойно-скорбного лица и формы тела героизированы и облагорожены – как это принято в античном искусстве. Из зияющей раны на боку струится кровь. Справа на стене изображена шпага, пронзающая листок бумаги с подлыми словами, произнесенными моим братом на суде над королем Франции: «Я голосую за смерть тирана».

Мало того, что существует картина! Она еще и скопирована в гравюре художником Тардье, отпечатана и раздается народу бесплатно! Сотни, тысячи свидетельств предательства, содеянного одним из Лепелетье! Эта гравюра лежит сейчас передо мной. Я могу скомкать ее, разорвать на тысячу клочков, могу сжечь в камине или зарыть в землю – но останется картина! Клеймо на имени нашего рода поставлено.

Боже мой... как же мне теперь исполнить последнюю волю отца и скрыть позор семьи от будущих поколений Лепелетье?..

Наши дни, Париж. Валентина Макарова

– Слушай, а мы с тобой смогли бы родить ребенка? – напористо спрашивает он и стискивает мою руку в своем очень даже немаленьком кулаке.

Признаюсь, я немало озадачена тем, как ретиво мой новый друг берет быка за рога. Мне известно лишь, что его зовут Бенедикт Нанкет, а он знает, что мое имя Валентина. Это нам

заранее, еще перед встречей, сообщила Николь – «сватья баба Бабариха», которая немедленно взяла меня в оборот, как только увидела в аэропорту.

Да, принимает меня в Париже не Лера, а Николь Брюн-Понизовская. Лера с мужем срочно улетели куда-то в Марокко, где у этого самого мужа погиб в аварии кузен. Она пыталась предупредить меня, но не дозвонилась – я уже летела из Нижнего, – а потому Николь, которая должна была просто встретиться со мной в своем агентстве и свести с «женихами», встретила меня в аэропорту Шарль де Голль, потом привезла к себе домой. Муж Николь задержался по делам в Москве (у него тоже огромное брачное агентство), так что в миленькой квартирке на улице Друо нас трое, включая Шанталь.

Нижегородский крокодил пришелся весьма кстати, Шанталь, классная девятимесячная деваха с четырьмя зубами, светлыми волосенками и очень серьезными серыми глазами, влюбилась в него с первого взгляда и нянчиться с ним так же, как нянчилась моя Лелька. Если Шанталь не обегает квартиру на четвереньках (со страшной скоростью, громко стуча по полу голыми «мозолистыми» коленками), не спит в обнимку с розовой плюшевой кошкой (это подарок Леры: кошка совершенно совковая, их у нас в Нижнем делают, но трудно представить игрушку уютней, чем эта!), если не ест, увлеченно приговаривая «дабн-дабн» (не знаю, что это означает, это не русский и не французский, это какой-то свой, особенный язык!), – то, значит, возится с крокодилом.

Честно признаюсь: я не показала малявке кнопочку, которая заставляет крокодила петь «Голубой вагон». Еще свежи воспоминаия, от которых меня дрожь бьет. Наверное, я кажусь Николь девушкой со странностями. Однако она неизменно мила, приветлива, терпелива со мной – и полна решимости «устроить мое счастье». Честное слово, это ее собственные слова!

Николь предприняла уже две попытки сделать это – и обе окончились ничем. Первым соискателем приза по имени «Валентина Макарова» оказался молодой человек с внешностью киногероя-любownika и обворожительными манерами. Звали его, вообразите, Ален. Мы посидели с ним в миленьком кафе на улице Сент-Оноре (с ума сойти! Сент-Оноре!), потом, пройдя буквально несколько шагов, оказались в Тюильри (в Тюильри!) – и он моментально полез целоваться. Я была слишком занята созерцанием статуй в античном стиле, расставленных здесь и там около дивных розовых кустиков, поэтому не тотчас поняла, что Ален, собственно говоря, делает. Не сказать, что я девушка таких уж строгих правил общения, но... но...

Обнаружив, что я не готова улечься с ним прямо вот тут, на газоне, и даже не изъявляю желания тискаться под сенью статуи сурового Марса, Ален вроде бы не очень огорчился и сказал:

– Ты знаешь, я сразу понял, что ты – женщина деловая.

Я насторожилась. Вот уж как угодно меня можно назвать, только не деловой! Напротив, у меня совершенно легкомысленный вид: мамочки, увидав меня первый раз в «родилке», начинают причитать чуть ли не в голос:

– А это тоже врач? Да она хоть что-нибудь в детях понимает?!

Что-то здесь не так. Что-то Алену от меня нужно...

Предчувствия меня не обманули.

– Слушай, я в курсе, что тебе необходимо французское гражданство, – выпаливает Ален. – А мне нужны деньги. Мы вполне можем договориться.

– О чем? – тупо спрашиваю я.

– Тебе нужно гражданство или нет? – напористо спрашивает Ален.

Секунду размышляю – и киваю. Ну да, конечно. Если я буду жить во Франции, как же без гражданства?

– Ну вот! – радостно восклицает Ален. – А мне нужны деньги!

Наконец-то до меня доходит, что парень предлагает мне фиктивный брак.

Вот так номер...

А в чем дело, собственно? Я что, мечтала о большой и светлой любви? Мало тебе, что ли, было любви в Нижнем Новгороде, в одном домике неподалеку от площади Свободы? Не накушались еще? А Лелька, твоя дочка? Она ведь тоже родилась от большой и светлой любви, но где сейчас объект твоих некогда высоких чувств? Так, может быть, пора расстаться с иллюзиями? Перевести отношения с мужчиной на однозначно деловые рельсы? Товар-деньги-товар? Утром деньги, вечером стулья?

А кстати, какие деньги?

– Ну и сколько ты хочешь? – спрашиваю я с некоторой хрипотцой.

– Пятьдесят тысяч евро, – с улыбкой отвечает Ален.

Я моргаю.

Я больше ничего не делаю, только моргаю, однако Ален хмурится:

– Ну, брось. Это нормальная цена! Можно поторговаться, конечно, однако самое малое, на что я согласен, – это сорок пять.

Тут уж я даже не моргаю. В смысле, не моргнув глазом, я поворачиваюсь и со всех ног бросаюсь прочь по аллее, усыпанной белым, противным, очень мелким гравием, который страшно пылит под ногами.

Бегу и думаю: «Зачем они посыпают дорожки такой гадостью? Босоножки теперь совершенно белые, будто я по муке ходила. И ноги противные, такие сухие, как будто зацементированные!»

Позади слышу голос Алена:

– Валентин!..

Не оборачиваюсь, хотя Валентин – это я. Мое имя звучит здесь как бы в мужском роде. А мужчину звали бы Валентэн. Красиво! Жаль, что нельзя поменяться!

– Валентин!!!

Я бегу со всех ног, вздымаю за собой клубы белой пыли. Хорошо бы создалась такая дымовая завеса, чтобы Ален потерял мой след. Даже если мы все – родители и я – продадим все, что у нас есть, включая домик в Дзержинске, на третьей улице Матросова, мы едва-едва наберем тысяч двадцать евро. То есть мои намерения зацепиться в Париже любой ценой не выдержали проверки реальностью.

Да-да-да...

Николь, услышав о предложении Алена, ужасается:

– Я же всех сразу предупреждаю, что не устраиваю фиктивных браков! И откуда он взял такие цифры?! Обычная такса десять, ну, пятнадцать тысяч евро... Правда, расходы по последующему разводу тоже лежат на той же стороне, которой нужно гражданство, при взаимном согласии это стоит между четырьмя и шестью тысячами на адвоката. То есть максимум двадцать одна тысяча. Но пятьдесят?! Мошенник, настоящий мошенник!

Мне становится чуточку легче. Все-таки мы с родителями еще не стоим за гранью нищеты. Пока что еще на грани! И еще легче мне становится, когда Николь предлагает немедленно встретиться со вторым женихом.

Второго жениха зовут Мишель. В отличие от Алена, который был похож на своего всемирно известного тезку в его лучшие годы и выглядел как прирожденный разрыватель женских лифчиков, Мишель – воплощение утонченности и интеллигентности. Тонкие черты, тщательно уложенные и напoмаженные гелем волосы, тонкая фигура, которая так и клонится вправо-влево при каждом движении, словно длинный стебель какого-то растения...

Встречу Мишель назначает мне в садике Пале-Рояль (Пале-Рояль!). Хотя я в Париже впервые, однако книжек-то про этот волшебный город читано-перечитано море, поэтому я и впадаю в транс от заветных названий, воплощенных в реальности. Однако Пале-Рояль меня немножко огорчил. Я ожидала от него большего великолепия. Как-то там пустошато, деревья

выстроились в форме каре, и тени от них почти нет. В Париже этим летом жарко! Дорожки здесь засыпаны такой же белой гадостью, как аллеи Тюильри, и мне немедленно начинает казаться, что в босоножки подложили наждак.

– Валентин, – вздыхает Мишель, с невероятной осторожностью пожимая мне руку, – ах, шерри Валентин, надеюсь, вы не станете возражать, если я буду называть вас Наташей?

Вот так номер!

– Вам что, очень нравится та песня, которую поет Иглесиас? – изумляюсь я. – Но тогда уж не Наташа, а Натали!

– Кто такой Иглесиас? – рассеянно спрашивает Мишель. – Впервые слышу. Нет, Натали – это не то. Совершенно не то! Именно Наташа! Ведь ее звали Наташей!

Я моргаю. Какая-то у меня очень однообразная реакция на приколы моих женихов. С Аленом моргала, теперь вот с Мишелем...

– Видите ли, Валентин, – снова вздыхает он, – у меня уже была русская девушка. Я обо-жал ее. Она была смыслом моего существования! Она прожила со мной месяц, а потом бросила меня, жестоко бросила, чтобы выйти замуж за какого-то боша⁹. Этот бош был так отврати-тельно прагматичен! У него домик где-то около Гамбурга, представляете? Как противно зву-чит это слово – Гамбург! Проза, убогая проза! Теперь я пытаюсь воскресить воспоминания о ней... Я буду звать вас Наташей, хорошо?

На мой взгляд, ничего убогого в домике «где-то около Гамбурга» нет. А слово «Гамбург» звучит очень даже аппетитно. Наверное, потому, что я люблю гамбургеры.

– Знаете что, Мишель? – говорю я задушевно. – Зовите меня просто Вася!

И, не моргнув глазом, оставляю его навеки.

Я возвращаюсь через Пале-Рояль, и ноги мои снова забиваются белой пылью. Совер-шенно как вчера! И, что характерно, налицо такой же, как вчера, облом в устройстве личной жизни.

Выслушав мой отчет, Николь краснеет от злости:

– Кошмар какой! Но ты не огорчайся, Валентин, завтра у тебя намечена еще одна встреча.

– А потом? – на всякий случай уточняю я.

– Ну, – мямлит бедная Николь, – пока никого нет... Ты у многих вызываешь интерес, но... – Глаза ее становятся несчастными. – Понимаешь, у тебя ведь есть ребенок, а не всякий мужчина согласится... Хотя это дурость, конечно.

Она переводит взгляд на Шанталь, которая лежит на полу, задрав голенькие толстенькие ножки, и лижется с крокодилом. Господи, какое же чудо эти дети – когда не орут, когда спят, хорошо едят... Правда что дураки мужчины, ничего они не понимают в жизни, это же классно – получить уже готового ребеночка! Мне страшно думать о токсикозе, родах и первых месяцах после них, это и правда мрак, но если бы мне сейчас дали вот такую уже готовенькую куколку, как Шанталь, я бы ее обеими руками схватила!

Между тем, почувствовав наши взгляды, русско-французская куколка отбрасывает кро-кодила, переворачивается на живот и начинает громко пыхтеть, приговаривая «дабн-дабн»: это означает, что младенец сильно хочет есть.

– Но сейчас, – заявляет Николь гораздо бодрее, расстегивая блузку (хоть питается теперь Шанталь, «как большая», в основном кашами и всевозможными пюре, но дважды в день Николь все же прикармливает дочку грудью), – у тебя встреча с человеком, которого как раз интересовала русская невеста с ребенком. Он сказал, что ты ему по всем параметрам подхо-дишь!

– Ну, поживем – увидим, – выражаю осторожный оптимизм. – До свиданья, Шантальчик! Кушай хорошенько!

⁹ Б о ш а м и французы называют немцев.

– ... Слушай, а мы с тобой смогли бы родить ребенка? – напористо спрашивает мой новый жених и стискивает мою руку в своем очень даже немаленьком кулаке.

Я моргаю... ну да, само собой, это уже стало доброй традицией.

Вот это мужчина! Мало ему уже готовой моей Лельки – немедленно требуется еще одно дитя! Между прочим, вот такие здоровяки – большеголовые, широкоплечие, с античными бицепсами (на плечах и груди Бенедикта едва не лопаются черная тенниска) – бывают невероятно нежными папочками. Вдобавок они любят обширные семьи. Минимум трое детей, а желательно больше. Вопрос в одном: а хочу ли этого я?

– Не беспокойся, – гудит Бенедикт, обладающий почти невероятной для такого громилы чуткостью. – Тебе не придется... я хочу сказать, что я не хотел бы много детей. Одного вполне достаточно, так что с твоей дочерью получится двое. Этим я буду вполне доволен! И еще, Валентин... – Он смотрит нерешительно. – Я, правда, не слишком хорошо разбираюсь в женщинах, однако интуиция подсказывает мне, что я тебе не слишком нравлюсь.

Я только собираюсь автоматически возразить (а кто на моем месте поступил бы иначе?), но Бенедикт прерывает меня.

– Ничего страшного, ты тоже не вполне в моем вкусе! – ободряет он. – То есть совершенно не в моем! Потому что вкус мой... Ну, короче, штука в том, что я вообще не интересуюсь женщинами. Я гей, понимаешь? Причем активный. Но не беспокойся, я могу взять женщину (проводил такие опыты!), и наследственность у меня хорошая. Мне необходимо иметь ребенка, желательно сына, чтобы было кому передать свое имя. У славянок свежая, живая кровь, поэтому я и хотел русскую жену. Но после этого докучать тебе вниманием я не стану. Разумеется, ты будешь получать деньги на содержание свое и нашего сына, а что до личной жизни, можешь иметь любовника или любовницу, в зависимости от собственных пристрастий. Я думаю, это вообще идеальный брак: сходятся гей и лесбиянка, рожают ребенка, вместе воспитывают его, но в сексе следуют только своим влечениям. Я, разумеется, не стал говорить этого мадемуазель Брюн, – продолжает Бенедикт, как бы извиняясь, – она вряд ли поняла бы меня, однако убежден, что мы с тобой совершенно поладим.

Да?..

Недалеко от дома Николь, на стыке улиц Лафайет и Прованс, я ненароком наступаю в белую пыльную щебенку! Рабочие, которые ремонтируют какое-то здание, уронили бумажный мешок, он лопнул – и я вновь возвращаюсь со свидания с грязными ногами и неустроенной личной жизнью!

30 сентября 1919 года, Петроград. Из дневника Татьяны Лазаревой

Невыносимо, как в этой жизни фарс соседствует с трагедией! Совершенно будто в шекспировских хрониках! Кажется, я уже писала об этом. Или только хотела написать? Так или иначе, эта мысль каждодневно получает новые подкрепления в реальности. Взять хотя бы нынешний пример. Думаю, я его нескоро забуду!

Все началось с того, что поутру ко мне пришла Дуняша, горничная спекулянтов из нашего дома. Самая обыкновенная питерская курносая горничная. Она добрая душа: берет мою осьмушку хлеба в кооперативе и не ленится приносить мне домой. Вот и сейчас вручает мне краюшку ужасного сырого хлеба, но не торопится уходить: вертится перед зеркалом, любовается собой. Ну что же, есть чем полюбоваться! На ней роскошный черный шелковый шарф, затканый золотом. Удивительная красота.

– Дуняша, какой на вас великолепный шарф! Жених подарил?

Задаю вопрос – и тотчас осознаю его бестактность. Наверняка это подарок спекулянта! От кого-то из соседей я слышала, что к Дуняше равнодушен ее хозяин. А его жена не раз устраивала ей скандалы.

Дуняша, впрочем, весело смеется:

– А вот и не угадали! Шарфик я честным трудом заработала.

– И каким же это образом?

– Да очень просто. Вчерась вечером вышла за ворота, а мимо бежит какая-то барыня. Должно, из ваших, из бывших.

Дуняша кидает на меня лукавый взгляд, но я уже давно отучилась реагировать на такую ерунду. Она продолжает:

– Волоса всклокочены, платье спереди все в грязи, словно на брюхе по мостовой елозила. Седая, страшная, а в руках этот шарф комом свернут. Плетется, задыхается: устала, знать. Я думаю, никак пьяная... Хотела мимо пройти, а она мне: милая, красавица, сделай божескую милость, передай письмо по адресу! А шарф за услугу возьми, он-де шелковый, из самой страны Индии привезенный!

Я смотрю на кайму шарфа. А что, очень может быть! Продолжаю слушать певучую речь Дуняши:

– И сует мне в руку шарф... А в нем что-то хрустит – знать, письмо. Я ей только что хотела сказать: спасибо, гражданка, невелика услуга-то! – а она вдруг обернулась и лицом побелела так, что я думаю: ну, сейчас упадет и помрет. И тут из-за угла появился черный автотор. Ох и громадный! Выскочили из него два матроса, и ну к этой барыне. Хвать ее под руки, она так и повисла между ними, голова упала. А матросня ко мне: что-де она тебе говорила? Признавайся, не то сейчас вместе с ней в чеку отвезем! Ну, я им улыбнулась: да что вы, мол, браточки, у меня жених тоже по леворюции служит, за что ж меня в чеку, ежели я вам своя в доску? А старуха эта у меня спрашивала, нет ли здесь церкви поблизости, только и всего. А ты ей что сказала, сурово говорят они. А я сказала, что бога нет, дурман все это, больше ничего, – это я им, матросикам, так ответила, – пояснила Дуняша, видя, что я помаленьку запутываюсь в этом нагромождении словес. – Они поверили и уехали, и старуху увезли.

– А письмо вы передали? – интересуюсь, живо задетая судьбой этой несчастной, которую схватили революционные матросы и увезли, наверное, на пытки, может статься, и на смерть. За что?

Да за что угодно или вовсе ни за что! Мы живем в такое время, когда все может быть. В стране царит смертельная бессмыслица.

Между тем Дуняша начинает старательно рыться в карманах и наконец достает оттуда четвертушку бумаги, исписанную вдоль и поперек. Читаю, с трудом разбирая корявые строчки:

«Слышаль я што ты стала путаца со своим спикюлянтном. Ежли это правда не видать тебе залатых часов свензелем. Не даешь ты мне покойно исполнять мой геройский революционный долхъ. Я возьму себе другой распрекрасный дамский персанаж. Ноне вашей сестре пятачокъ пучек!»

– Ради бога, Дуняша! Это что ж такое?! Эту записку вас просила передать та несчастная женщина?! Кому?

– Ах, что вы, барыня! – конфузливо усмехается Дуняша и вырывает у меня из рук бумажку. – Это мое письмо, это мне жених прислал!

А, ну понятно. Могла бы и сама догадаться! На это указывает и орфография, и пунктуация. Забавно, однако, что человек, который служит «по леворюции», продолжает писать букву «ять», хотя большевики упразднили ее.

Дуняша продолжает рыться по карманам и наконец вздыхает:

– Нету той записки. Ну, старухиной. Должно, потеряла.

Почему-то я взрываюсь от ярости:

– Что? Потеряли? Как вы могли? Это была последняя просьба, может быть, там было что-то важное, необходимое... Бедная женщина надеялась на вас!

– А коли надеялась, – обижается Дуняша, – так чего ж адреса не написала? Ни кому, ни куда – не написано!

– Да что вы говорите?

– То и говорю. Это была просто свернутая бумажка. В ней всего одно слово, я уж прочла, конечно, когда адрес искала. «Вода» – вот что там было написано. «Вода»! Ну и чего?!

Да, очень загадочно... Видимо, бедная женщина была уже не в себе – от страха, от бедствий, которые свалились на нее. Я ничего про нее не знаю, но сочувствую ей от всего сердца. А может быть, это слово что-то значило для того, кому было предназначено? Но кому?.. Теперь уж не узнать!

Дуняша при всей своей безалаберности – добрая девушка. Видит, что я пригорюнилась, – и немедленно хочет исправить мне настроение.

– Не кручиньтесь так, барыня, я ведь к вам не просто так, я с добрыми вестями пришла!

С добрыми вестями? Интересно, какие это добрые вести могут быть в наше время? Повесилась мадам Коллонтай, оттого что прошлой зимой износила все шубы и пальто балерины Кшесинской и не в чем встретить новый сезон? Подавилась рябчиками госпожа Андреева, некогда звавшаяся актрисой императорских театров, а ныне приятельница Зиновьева и «комиссар театров»? А может быть, соединенные силы Антанты уже высадились на Сенатской площади и ставят краснопузых к стенке?

Разумеется, я не высказываю вслух своих самых заветных желаний и делаю на лице самое заинтересованное выражение.

– Помните, вы про баньку спрашивали? – говорит Дуняша.

Настораживаюсь:

– Конечно, помню. А что? Неужели где-то баня заработала?

– Держи карман шире! – хохочет Дуняша. – У ентих небось заработает! Раньше рак на горе свистнет! Но я нашла для вас частную баньку.

– Да что вы говорите? – изумляюсь от души. – И где же она находится?

– Да недалечко, в двух шагах отсюда. Как идти к транваю, за углом сразу налево.

Мысленно обшариваю привычный, многожды исхоженный маршрут. На той улице только доходные дома с узкими двориками, неоткуда там взяться баньке, пусть и частной.

– Да нет, барыня, – досадливо возражает Дуняша, – эта баня в квартире!

– Что за новости?

– А вот такие новости нынче, – гордо заявляет девица. – Есть одна женщина, у ей в квартире колонка нагревательная и дров запасец изрядный есть, вот она и пускает приличных людей брать ванную.

– И сколько берет за купание?

– Да кто сколько даст! Сказывала она, ее барин перчатки кожаные потерял, так вот ежели кто даст перчатки, того она без очереди купаться пустит. И постираться позволит!

Цена заломлена, конечно, непомерная. Перчатки нынче поистине на вес золота! Но мой брат Костя в прошлые времена был великий франт. О дамских угодниках частенько говорят: менял-де женщин, как перчатки. Вот уж про Костю это можно сказать с полным правом! Насчет женщин ничего не скажу, Костя всегда очень тщательно скрывал свои романы, а вот насчет перчаток... Все это время я берегла его коллекцию, но, думаю, он простит меня, ежели я воспользуюсь одной парой замшевых, оливкового цвета. Они очень красивые, однако были великоваты Косте, оттого он их и не любил. Перчатки-де должны обтягивать руку, словно вторая кожа, а эти топорщились на пальцах.

Боже мой, до чего же мне хочется вымыться в ванне! Вот уже почти год обхожусь переливанием из таза в тазик чуть теплой жидкости. Какое счастье, что у меня стриженные волосы:

с длинными было бы невозможно. А стирки?! Вот мучение в холодной воде! Помню, когда я училась, ни одна, самая даже неблагополучная курсистка или институтка не стирала себе сама. На всех были дешевые прачки. Теперь все стирают сами: иногда по карточкам выдают по осьмушке мыла – мягкого, гнусного мыла...

– Дуняша, я согласна. Когда можно идти?

– Да вот хоть теперь же. Собирайтесь, а я подожду.

Мигом увязываю в узелок полотенце, заветный кусочек мыла, сохранившийся еще с прошлых лет (он пахнет так, что Дуняша мечтательно заводит глаза), чистое белье, чистую блузку и белый платок – надеть на мокрые волосы. После бани их можно усмирить, только повязав платок. Иначе на голове образуется пышный ворох спутанных колечек: сущее воронье гнездо! Отдельно увязываю свои постирушки и вонючее стиральное мыло.

Мы с Дуняшей выходим на лестницу. Вдруг девушка проворно наклоняется и что-то подбирает с полу:

– Ах я растяпа! Да вот же оно, письмо! Гляньте, барыня.

Смотрю на листок: грязный, захватанный, смятый вдоль и поперек. Некогда это была очень дорогая «александрійская» бумага. Но листок давно утратил плотность и гладкость. На нем неровным почерком, карандашом написано – «Вода».

И все, и более ничего.

– В самом деле... – вздыхаю разочарованно.

Дуняша смотрит торжествующе:

– А, не верили мне! Я ж говорила: сущая ерунда. Выкиньте, да и вся недолга.

Я сминаю листок, однако выбросить его прямо на лестницу не могу: видимо, комиссары еще не до конца выбили из нас прежние привычки. И хоть от ковровой дорожки, некогда покрывавшей ступеньки, от цветов, прежде стоявших по углам в вазонах, давно ничего не осталось, а разноцветный витраж выбит и окно заколочено фанерой, все же какую-то видимость чистоты в подъезде мы пытаемся поддерживать. Именно поэтому я сую листок в карман, чтобы выбросить на улице.

Наши дни, Париж. Валентина Макарова

– Вот так поживешь, поживешь – и вдруг увидишь, что ты никому не нужна! – говорю я уныло, пальцем подбирая из тарелочки последние крошки «Брауни». Мы с Николь, которая не меньше, чем я, огорчена провалом сватовства, только что закончили сеанс психотерапии. Сеанс состоял из четырех блюд: на первое редиска и хлеб с маслом, на второе помидоры с «Моцареллой», потом авокадо и, наконец, торт «Брауни».

Редиска здесь продается круглый год, она очень популярна у французов. Они едят ее много, причем чистят очень своеобразно: все чешуйки отскребают чуть ли не ногтями, зато зеленый хвостик ботвы сантиметра полтора оставляют и едят его тоже. Меня это изумляет. А впрочем, мне нравится французская кухня, я верю, что зря они ничего не делают, – и тоже грызу хвостики редиски.

«Моцарелла» – это итальянский овечий сыр, мокрый такой, пресный. Едят его с помидорами: раскладывают на тарелки тоненькие ломтики помидоров и «Моцареллы», поливают оливковым маслом, потом крепко солят и перчат – ну очень вкусно! Дома я это непременно введу в рацион, и редиску с хлебом и маслом, и помидоры.

Да, похоже, я окончательно распростилась с надеждой на французский брак, если уже так живо воображаю, что буду использовать дома рецепты из французской кухни. Если повезет – и останусь жива, конечно...

– Почему ты никому не нужна?! Какую чепуху ты говоришь! – досадливо восклицает Николь и тоже начинает подбирать с тарелки крошки «Брауни», предварительно посплюнув палец.

Смотрю на нее во все глаза. У французов очень строгие правила поведения за столом и обращения с приборами, надо все время держать себя начеку, а тут такое поправление святынь... Это, конечно, от нервов. Понятно, что Николь расстроена, что как сваха оказалась не на высоте.

– Не будем отчаиваться! – говорит она наконец, с явным сожалением глядя на пустую коробочку от «Брауни». – У тебя виза на месяц? А прошло только полмесяца. У нас впереди еще целых две недели – вагон времени!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.